

№ 1 (301). ЯНВАРЬ 2016

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Б. П. БАЕВ. ЗИМНИЙ ДВОР.
ХОЛСТ, МАСЛО. 2001 ГОД.

С Рождеством Христовым и Новолетием!

Уважаемые читатели!

Сердечно поздравляем вас с Новолетием и светлым праздником Рождества Христова. Счастья вам, любви, мира душевного!

Мы всегда дорожили вами и всегда ощущали взаимность с вашей стороны. Да пребудет так и впредь! Хочется пожелать еще мира и процветания нашей стране — богохранимой России.

Здесь же сообщаем, что мы переехали по новому адресу:
127015. Москва, Бумажный проезд, д. 14, стр. 2.
Телефон для справок: (499) 557-04-27

Редакция «Московского журнала»

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО
ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЛЛЮСТРАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

Основан
Н.М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал

Главный редактор А.Ф. Грушина

Редколлегия:

Митрополит Истринский Арсений (Епифанов),
Г.В. Аксёнова, А.А. Белай,
С.Ю. Житенёв, В.Ф. Козлов,
В.В. Максименко

Художник-верстальщик:

Е.С. Сухорукова

Редактор-корректор:

Г.Н. Жолобова

Издатель: ГУП «Редакция журнала
«Московский журнал. История
государства Российского». 2016

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 109004, Москва,
Николаянская ул., д. 45/8, стр. 1
Телефон: (499) 557-04-27
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru

Журнал зарегистрирован
Государственным Комитетом РФ по печати.
Свидетельство № 012120 от 14.04.1999.

Подписано к печати 23.11.2015.
Печать офсетная.
Объем 12 п. л. Формат 64 х 90/8.

Тираж 5000 экз.
Цена договорная.

Заказ №

Отпечатано:
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
АО «Первая Образцовая Типография»:
142300, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Материалы основных рубрик
рецензируются.

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС 2 *Алексей Васильевич Шишов*
Новороссия
К вопросу о ее «украинскости»

МОСКОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ 16 *Максим Юрьевич Романов*
«Небесные беги» над Кремлем
*О декоративном убранстве
Спасской башни в XVII веке*

РАССКАЗЫ ИЗ ПРОШЛОГО 24 **Праздничные елки**
*Рождественские
и новогодние впечатления москвичей
(1910–1970-е годы)*

ДАТЫ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ 34 *Анна Филипповна Грушина,
Елена Ивановна Кавтарадзе*
Пюхтица.
Перебирая паломнические четки...
*К 125-летию Пюхтицкого
Успенского женского монастыря (Эстония)*

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА 43 *Федор Александрович Евдокимов*
До свидания, монорельс!
Немного ностальгии

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЭПОХИ 46 *Федор Михайлович Каменский*
Блокадный дневник
Записки жителя осажденного Ленинграда

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОММЕНТАРИИ 62 *Людмила Николаевна Сорокина*
«Я бы всю жизнь проповедовал Россию...»
Райнер Мария Рильке в Москве

КНИЖНАЯ ПОЛКА 69 *Иван Иванович Магер*
Путь полководца и создателя
*К выходу книги о видном военачальнике
и государственном деятеле
Александре Петровиче Торماسове*

ЛЕТОПИСЕЦ 71 *Екатерина Адольфовна Берг*
Вечер, посвященный
150-летию со дня рождения
художника-баталиста, анималиста,
мастера книжной графики
Н.С. Самокиша (1860–1944)
*23 октября 2015 года.
Детская библиотека № 71
(Москва, улица Байкальская, 46)*

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ 74 *Галина Владимировна Аксенова*
Во имя «развития
искусства книги в России»
*Новые страницы биографии издателя
Александра Александровича Левенсона
(1851–1922)*

РЕПЛИКА 80 *Михаил Михайлович Попов*
Москва рекламная
*По поводу некоторых современных
рекламных плакатов и вывесок*

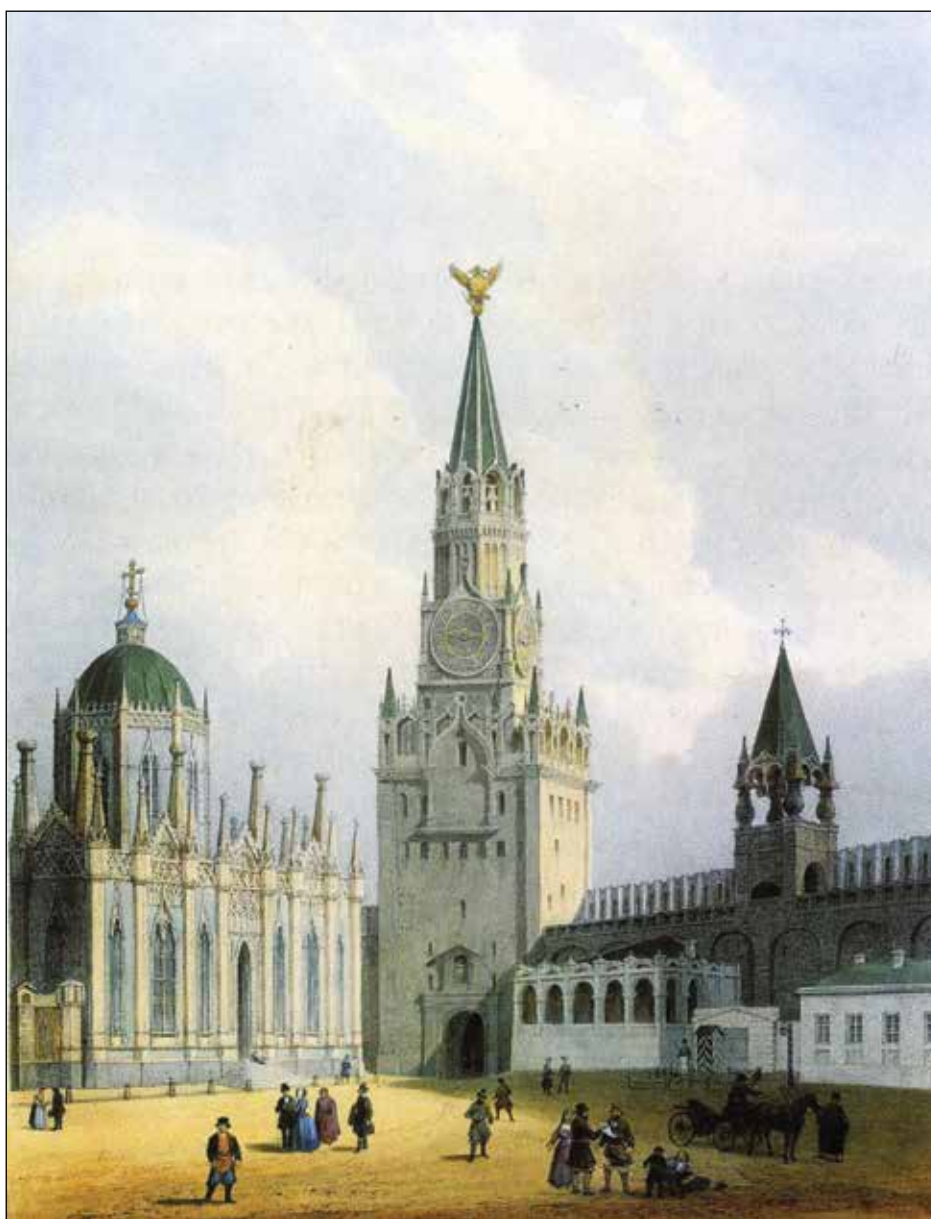
ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА 82 *Владимир Григорьевич Мейнгард*
В поисках прошлого
*Путешествия по Тульской губернии
в пространстве и во времени*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ 92 *Иван Иванович Магер*
«Глубоко национальный русский мастер»
О художнике Б.П. Бавее

Максим Юрьевич Романов

«Небесные беги» над Кремлем

О декоративном убранстве Спасской башни в XVII веке

Вид Спасской башни. Литография Ж.Б. Арну. 1840-е годы

*Фрагмент средника стрелецкого прапора.
Конец XVII века*

*Стрелецкий прапор. Конец XVII века.
Музей Армии (Стокгольм. Швеция)
Инв. № ST23:249,12*

Одним из наиболее узнаваемых архитектурных символов России, получивших всемирную известность, является Спасская башня Московского Кремля, ставшая еще в XVII столетии в комплексе с расположенными по соседству Покровским собором и колокольней «Иван Великий» своеобразной визитной карточкой Москвы. Не случайно панорамный вид именно этой части города был помещен на Гербовом знамени царя Алексея Михайловича, созданном мастерами Оружейной палаты в 1666 году¹. Монументальность и величественный символизм указанной панорамы неизменно привлекали внимание русских мастеров «живописного дела» и путешественников-иностранцев, сделавших ряд уникальных видовых зарисовок столицы Московии.

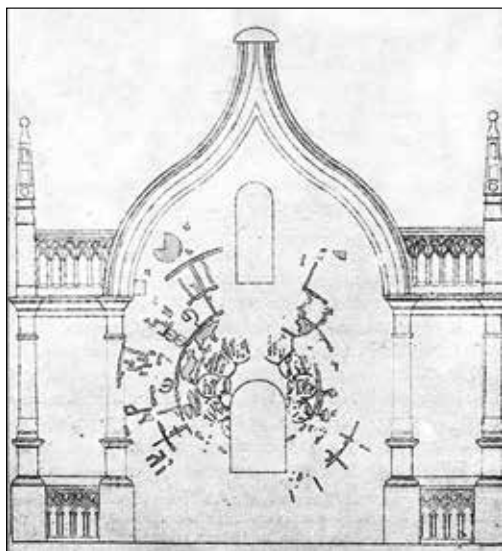
От той далекой эпохи сохранилось не так много изображений, воспроизводящих образы древней Москвы, и поэтому каждая новая находка, несомненно, представляет большой интерес. Занимаясь долгое время историей московского стрелецкого гарнизона, автор обратился к изучению хранящихся в фондах стокгольмского Музея Армии артефактов. Особую значимость по исторической и культурологической информативности имеет коллекция русских знамен, захваченных шведской армией в ходе военных действий против России в XVII–XVIII веках.

Среди принадлежавшей ранее стрелецким полкам многочисленной знаменной атрибутики, в художественном оформлении

**Спасская башня
Московского Кремля.**
Фрагмент миниатюры из альбома
«Рисунки, принадлежащие
к Книге о избрании на царство
Великого Государя, Царя
и Великого Князя Михаила Федоровича...».
М., 1856

**Прорисовка сохранившихся частей
зодиакальной композиции
на восточном(?) фасаде
Спасской башни.**
Из книги: *Бартенев С.П.*
*Московский Кремль
в старину и теперь.* М., 1912

которой в соответствии с традицией того времени преобладали религиозные мотивы, некоторым особняком стоят две группы прапоров с панорамными видами городов-крепостей. В одном случае изображения в силу своей условности не позволяют связать их с тем или иным конкретным населенным пунктом, в другом, напротив, со всей определенностью передают нам вид Московского Кремля со стороны Красной площади таким, каким он предстал глазам москвичей в конце XVII века, когда и изготавливались стрелецкие прапоры. Здесь над «царствующим градом» простирается из облаков благословляющая десница. Сей образ зримо воплощал идею богоизбранности Московского царства.

Однако для нас в первую очередь интерес представляют некоторые детально прорисованные элементы декора Спасской башни, занимающей в панораме центральное положение. Над отводной стрельницей по центру основного четверика изображен имеющий секторальные деления круг, условно обозначающий существовавшие тогда на этом месте «спасские часы» в белокаменных резных проемах-киотах, обращенных к Кремлю и Красной площади. Эти киоты можно наблюдать и сегодня, но они заложены кирпичом. Над часами в верхней башенке дано аналогичное, хотя несколько меньшее изображение еще одного круга: он символизирует «зодии» — знаки Зодиака, сделанные из металла и прикрепленные к кирпичной кладке, которая закрыла проемы-киоты, выходившие на четыре стороны там, где ныне установлены современные куранты². Для каждой стороны света была разработана индивидуальная зодиакальная композиция, расположенная по диаметру центрального круга лазоревое цвета, видимо, нарисованного прямо на кирпичной кладке.

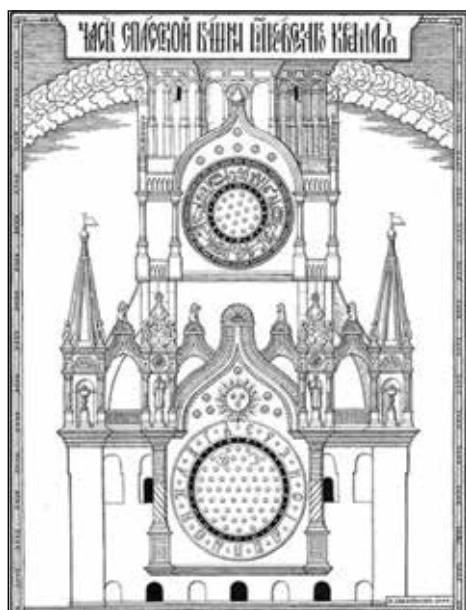
Созданное неизвестным московским «изографом» для стрелецких прапоров изображение в общих чертах не уникально. Подобные условные прорисовки не дошедших до нас в целост-

ном виде элементов декоративного убранства Спасской башни различимы на иконе работы Симона Ушакова «Похвала Богоматери Владимирской», известной также под названием «Древо Государства Московского» (1668, Государственная Третьяковская галерея) и на одной из миниатюр «Книги об избрании на царство Великого Государя, Царя и Великого Князя Михаила Федоровича» (1673). Однако наиболее контрастно — правда, в черно-белой гамме — облик Спасской башни того времени передал австрийский дипломат барон Августин Мейерберг, находившийся в Москве в 1661–1662 годах и включивший в свою книгу «Путешествие в Московию...» (последняя четверть XVII века) целый ряд рисунков с уникальными видами Москвы. По одному из этих рисунков и прорисьям сохранившихся до наших дней фрагментов зодиакальных композиций современный московский скульптор Н.М. Аввакумов несколько лет назад осуществил художественную реконструкцию восточного фасада Спасской башни, по поводу которой писал:

«Русские часы, как их называли в те времена, делили сутки на дневные и ночные, следя за восходом и движением Солнца. В минуту восхода на русских часах бил первый час дня, а при закате — первый час ночи, поэтому почти каждые две недели количество дневных и ночных часов постепенно изменялось, как было записано в тогдашних святках. На циферблате имелось 17 делений. Это было обусловлено тем, что летом самый большой световой день длится 17 часов, а зимой ночь может максимально продолжаться также 17 часов. Фон циферблата был покрыт голубой краской — лазорью. На нем помещались золотые и серебряные звезды, луна и месяц. Очевидно, что это украшение изображало небо. Вокруг располагались обозначения часов, написанные славянскими и арабскими цифрами, изготовленными из меди и позолоченными, а между ними помещались полчасные покрытые серебром звезды.

*Прорисовки сохранившихся частей
зодиакальной композиции
на фасадах Спасской башни
(сверху вниз: западный, южный, северный).
Из архива Н.М. Аввакумова*

*Верхняя часть восточного фасада
Спасской башни.*

*Реконструкция Н.М. Аввакумова.
2004 год*

В новой башенке по кругу поместили изображения золоченых знаков созвездий — «зодий», окруженных текстом молитвы. Они не имели вращательного движения, а были изображены как образ Вселенной. Остатки этих изображений до сих пор сохраняются за циферблатами нынешних часов, установленных братьями Бутеноп в 1851 году. Каждый киот, куда были помещены эти изображения, увенчан резным изваянием голубя — символом Святого Духа. Верхушки стрельчатых арок украшены изображением львов, медведей и геометрических фигур»³.

Приведенное описание в целом соответствует реалиям второй половины XVII столетия — за исключением, как впоследствии признавал сам автор, наличия вокруг знаков зодиака текста молитвы. Вызывает сомнение и высказанная в той же публикации мысль, что «спасские часы» и сочетавшиеся с ними зодиакальные композиции «аглицкий»

механик и архитектор Христофор Галовец изготовил в 1620-х годах по замыслу царя Михаила Федоровича. Имеющиеся источники говорят лишь следующее: этот иноземный мастер являлся создателем новых часов на Фроловской (Спасской) башне и ее каменной башенки с шатровым завершением, которая по сути исполняла роль колокольни, поскольку часы были исполнены с «перечасьем». Для этих часов русский колокольный литец Кирило Самойлов отлил 13 колоколов⁴. Звон самого большого из них, как свидетельствует участник посольства в Москву Антиохийского патриарха архидиакон Павел Алеппский, разносился далее, чем на 10 верст⁵. Разработанная Галовецем конструкция башенки, очевидно, предполагала ярусное расположение колоколов, при котором большой часовой колокол для лучшего звучания должен был помещаться на открытой площадке среднего яруса, там, где ныне находятся современные часы, меньшие — на верхней площадке, по сей день выполняющей функцию звонницы.

К сожалению, круг источников для реконструкции облика Спасской башни времен царя Михаила Федоровича крайне ограничен. Фактически мы имеем единственный панорамный вид Кремля, относящийся к данному периоду, — рисунок из книги немецкого ученого и литератора Адама Олеария «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию», которое состоялось в 1635–1639 годах. На рисунке довольно четко различим темный проем в среднем ярусе галовеевской башенки в том месте, где позднее располагались зодиакальные композиции. Детальность представленных в книге иллюстраций, по нашему мнению, исключает возможность пропуска художником по невнимательности таких бросающихся в глаза элементов оформления Спасской башни, как «зодии». Скорее всего, к моменту приезда Олеария в Москву они просто отсутствовали.

Закономерно возникает вопрос о предполагаемых времени и обстоятельствах создания нового «хронометрического» убранства Спасской башни. Известно, что в октябре 1654 года пожар полностью уничтожил все ее внутренние

МОСКОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ

деревянные конструкции. В результате «чудесные городские железные часы, знаменитые во всем мире по своей красоте и устройству и по громкому звуку своего большого колокола» (Павел Алеппский), пришли в негодность. Сам колокол рухнул, проломив два нижних каменных свода, и разбился⁶. Вид произведенных разрушений вызвал неподдельную печаль у царя Алексея Михайловича, вернувшегося 10 февраля 1655 года из победоносного Смоленского похода. К тому же все это случилось на фоне тяжелейших последствий «морового поветрия», после которого Москва фактически обезлюдела. Потребовалось время, чтобы восполнить нанесенный бедствием громадный урон.

Одним из мероприятий по привлечению в Москву новых людей стала посылка русских агентов в сопредельные государства для вербовки специалистов разных профессий. В 1658 году поверенный царского правительства англичанин Иван Гебдон выехал в Западную Европу с целью «призывать из немецких земель» полковников «самых добрых», военных инженеров и «огнестрельных мастеров разумных»⁷. Среди прибывших европейцев оказался Густав Декенпин, поступивший на государеву службу в том же году. Отечественные источники именуют его «вымыслеником»⁸, что сегодня можно трактовать как «инженер-проектировщик». Хотя о деятельности Декенпина в России — равно и за ее пределами — известно немного, ряд косвенных данных позволяет предположить его участие в восстановлении Спасской башни, в том числе часов, которые, возможно, были возобновлены по образцу галовеевских.

Печальный опыт прошлых пожаров подсказывал мысль о необходимости максимально сократить риски быстрого распространения пламени по деревянным конструкциям башни в случае внутренних возгораний или попадания огня извне. При наличии пространной открытой площадки на среднем ярусе башенки, превращавшей все сооружение в своеобразную трубу, избежать рисков было невозможно. Самым простым способом решения проблемы представлялось устройство заграждений, препятствующих возникновению внутренней

Московский Кремль. Фрагмент рисунка из книги А. Оллария «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию». Шлезвиг-Гольштейн, 1663

МОСКОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ

<http://mos-kreml.ru/17stroi.html>

Московский Кремль.

Фрагмент современной графической реконструкции на 1700 год

тяги и одновременно занесению ветром искр снаружи. Такими заграждениями, по нашему мнению, и стали закрывшие верхние проемы-киоты кирпичные перегородки, на которых с декоративной целью в развитие темы небесного свода, представленной на часах, поместили зодиакальные композиции. В перегородках оставили небольшие проемы-слухи, откуда доносилось звучание установленного здесь нового «боевого часового колокола». В 1667 году образовавшееся помещение с колоколом внутри именовалось «третьей палатой», то есть палатой на третьем ярусе башенки. Выше находилась палата, «где водят гири»⁹. Еще выше, на открытой площадке верхнего яруса, располагались меньшие колокола, о которых член польского посольства Бернгард Таннер, побывавший в Москве в июне 1678 года, писал, что они «по порядку наигрывают

музыкальную гамму и, как скоро проиграет она раз, показывается первая четверть, а вторая, третья и четвертая — когда она повторится два, три и наконец четыре раза; часы же обозначаются ударами большого колокола»¹⁰.

На причастность Г. Декенпина к созданию послепожарного облика Спасской башни указывает тот факт, что именно ему в конце 1661 или начале 1662 года поручили быть «у вымыслу» при оформлении интерьера новой деревянной Столовой избы царского дворца, в которой государь пожелал видеть на подволоке «звездочетное небесное движение, двенадцать месяцев и беги небесные»¹¹. Вероятно, изготовленные около 1660 года иноземным инженером для Спасской башни «зодии» впечатлили царя Алексея Михайловича, весьма увлекавшегося различными заморскими новшествами и распорядившегося произвести подобную роспись не только в Столовой избе, но впоследствии и в своем загородном дворце в Коломенском¹².

Судя по иконным изображениям и книжным миниатюрам XVIII века, облик Спасской башни, сформировавшийся к началу 1660-х годов, какое-то время сохранялся, хотя старые часы в 1706 году заменили новыми, голландскими. Но постепенно «зодии» под воздействием атмосферных осадков и других внешних факторов потускнели и стали плохо различимы, а затем и вовсе скрылись под слоем извести, которой красили стены и башни Кремля.

Важно подчеркнуть: изображение на стрелецких прапорах точно воспроизводит внешний вид кремлевских укреплений, какой они приняли после 1680 года, когда царь Федор Алексеевич «указал город Кремль выбелить известью»¹³. На практике побелили только стены и глухие башни, а башни проездные «прописали в кирпич» по образцу Спасской. Окончательно «зодии» сделались невидимыми с устройством новых часов (1767), занявших место нынешних курантов.

В контексте развернувшегося в 2014 году общественного обсуждения темы «возвращения стенам и башням Московского Кремля первоначального белого цвета» упомянутое изображение выступает, наряду с другими, важным историческим источником, зафиксировавшим результаты одного из этапов работ по декоративному оформлению крепостных укреплений Кремля. Оно же является и существенным датирующим признаком для уточнения времени создания ряда примечательных памятников русской иконописи XVIII века, содержащих панорамные виды Москвы. Естественно, высказанные выше соображения следует рассматривать только как тезисы к возможной дискуссии, конечным результатом которой должны стать выявление и публикация новых материалов по истории архитектуры нашего города.

¹Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 1. М., 1884. С. 45.

²Бартенев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 1. М., 1912. С. 141.

³Аввакумов Н.М. Кремленоград // Территория и планирование. 2007. № 1(8).

⁴Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2007. С. 91–92.

⁵Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном

архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005. С. 270.

⁶Бартенев С.П. Указ. соч. С. 140.

⁷Заозерский А.И. Царская вотчина XVII века. М., 1937. С. 248.

⁸Забелин И.Е. Указ. соч. С. 57.

⁹Бартенев С.П. Указ. соч. С. 141.

¹⁰Таннер Б. Посольство польско-литовское в Московию в 1678 году // Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. М., 1991. С. 389–390.

¹¹Забелин И.Е. Указ. соч. С. 143.

¹²Там же. С. 160, 337.

¹³Бартенев С.П. Указ. соч. С. 57.

Алексей Васильевич Шишов

Новороссия

К вопросу о ее «украинскости»

Карта «Новороссия и Крым».

Из издания: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества.

Настольная и дорожная книга под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1910

В «Советском энциклопедическом словаре» (1979) сказано: «Новороссия, историческая область на Юге России и Украины (2-я половина XVIII — начало XX в.). Занимала территорию степей Северного Причерноморья». На протяжении XV–XVII столетий на мес-

те будущей Новороссии находилось Крымское ханство — вассал Турции, западная окраина принадлежала Молдавскому княжеству, а на севере неширокой полосой тянулись земли запорожских казаков — подданных Королевства Польского.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

После Переяславской рады (1654), принявшей решение о воссоединении Левобережной Украины с Россией и вхождении Войска Запорожского в состав Русского государства, началась постепенная колонизация практически безлюдных южных степей. Они манили просторами пастбищ и целинными черноземами, ждавшими плуга. Колонизация осуществлялась с «богатырских застав» и военных поселений по речным берегам: беззащитный пахарь неизбежно становился добычей периодически совершавших набеги крымских татар. Реки являлись сравнительно безопасными путями, а их лесистые берега давали поселенцам, чаще вольным, чем кому-то принадлежавшим, строевой лес и топливо.

Наличие в названии «Новороссия» корня «ново» объясняется не столько поздним присоединением региона, сколько относительно значительной продолжительностью хозяйственного его освоения. Заселялся он преимущественно великороссами и малороссами. Имперская власть щедро наделяла землей и предоставляла немалые льготы тем, кто пожелал оставить давно обжитые

*Ф.С. Рокотов. Портрет Екатерины II.
Этюд для портрета,
исполненного в 1763 году*

Карта Таврической области.

Атлас Российской империи, состоящий из 52 карт, изданный во граде св. Петра в лето 1796-е, в царствование Екатерины II [Санкт-Петербург], [1796]

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Историческая карта России со времен изгнания татар или с 1462 по 1811 год. Б. м., 1811. Рукопись. Бумага, акварель
Отдел картографии
Российской государственной библиотеки*

*Ф. де Мейс. Путешествие Екатерины II по югу Российской империи в 1787 году.
Аллегория. Конец XVII – начало XIX века*

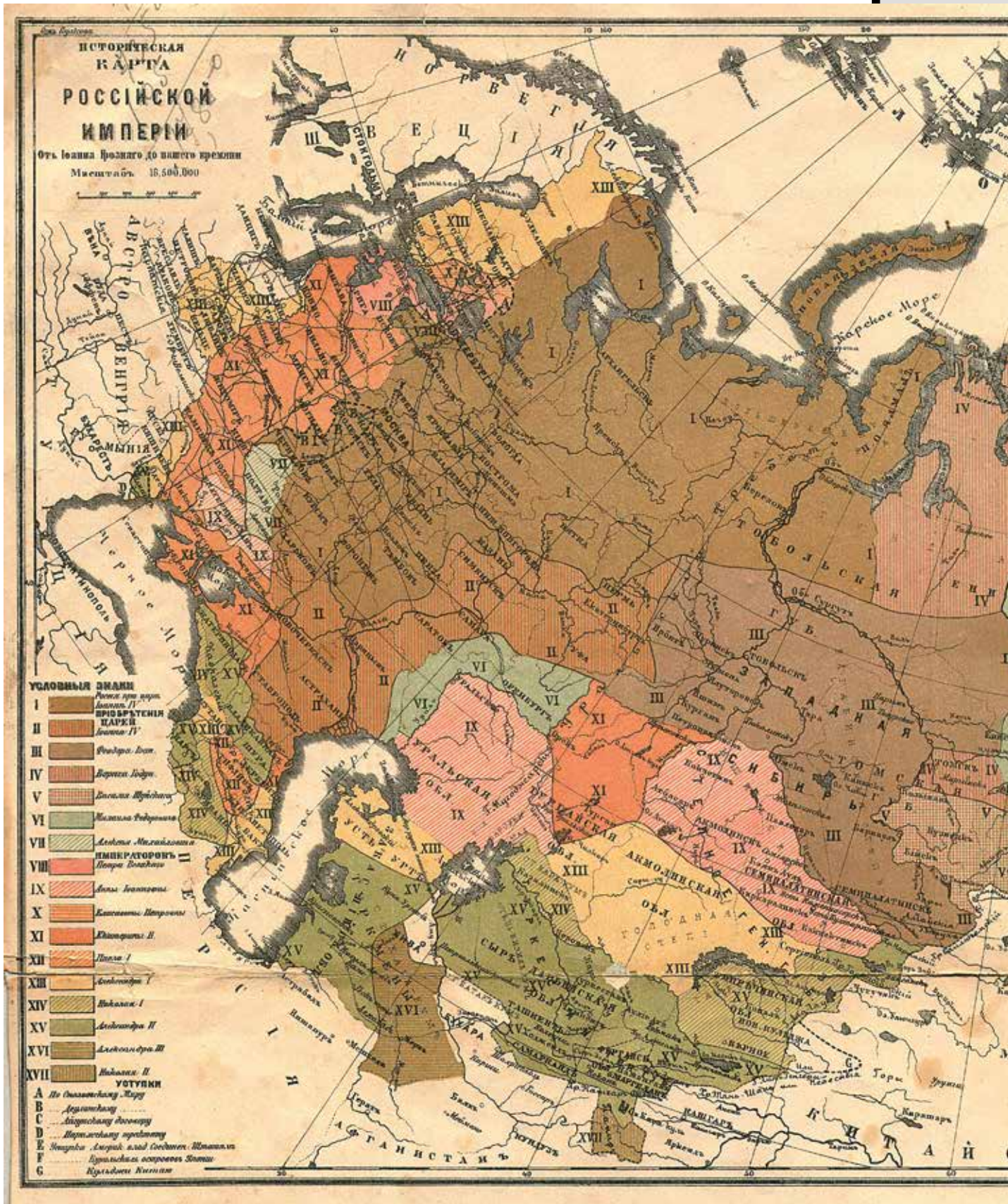
места и двинуться на юг. Однако люди шли туда с большой опаской. Не торопилась строиться на новых южных землях и знать, получавшая там в награду за государственную службу обширные надель. Отпугивали пустыньность, бездорожье, воспоминания о совсем недавно полыхавшей набеговой войне с Крымским ханством. К тому же переселение требовало немалых средств, предпринимательской хватки и известной смелости: в случае очередной войны в степи могли появиться конные полчища крымчаков — охотников за «живым товаром»; войсковые же заставы не в состоянии были с должной надежностью перекрыть степь заслонами. Поэтому массового заселения этих степей крепостными крестьянами не происходило. В большинстве своем здешними поселенцами становились лично свободные люди — дворяне-однодворцы и казаки. Первые ставили на необжитых местах небольшие хутора, вторые обустроивались целыми станицами. В любом случае это были воинские поселения, где мужчины носи-

ли оружие, готовые сразиться со степными «хищниками». Отсюда далеко к югу, к берегам Черного моря простиралась дикая степь с редкими кочевьями.

Первопоселенцы Новороссии не одно столетие несли пограничную службу на южных рубежах государства Российского, во время войн сражались в рядах царского войска, а потом и императорской армии; немало крови пролили они, немало жизней отдали за мирную жизнь на своей земле.

По мере осознания того, что степь на границе с Крымским ханством охраняется все более надежно, туда начиналась миграция людей мирных профессий — землепашцев, торговцев, ремесленников. В новых поселениях ставились церкви, налаживалась хозяйственная жизнь, создавалась администрация. Появлялись города — прежде всего на речных путях и на морском берегу, где имелись подходящие места для стоянки и строительства кораблей.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Историческая карта Российской империи

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Использовался и другой способ хозяйственного освоения и защиты степной Новороссии — привлечение к этому православных славян — сербов, хорватов, черногорцев, болгар, герцеговинцев, а также православных выходцев из других регионов. Такой политики придерживались императрицы Анны Иоанновна, Елизавета Петровна (особенно), Екатерина II и император Александр I. В ходе Русско-турецкой войны 1735–1739 годов в царствование Анны Иоанновны из балканских добровольцев-христиан создается гусарский корпус численностью в 500 всадников, в 1741 году формируются четыре гусарских полка — Сербский, Венгерский, Молдавский и Грузинский. Последние были «поселенными», то есть волонтеры-гусары получали при поступлении на русскую службу земельный надел на полковых землях, располагавшихся большей частью как раз в северных

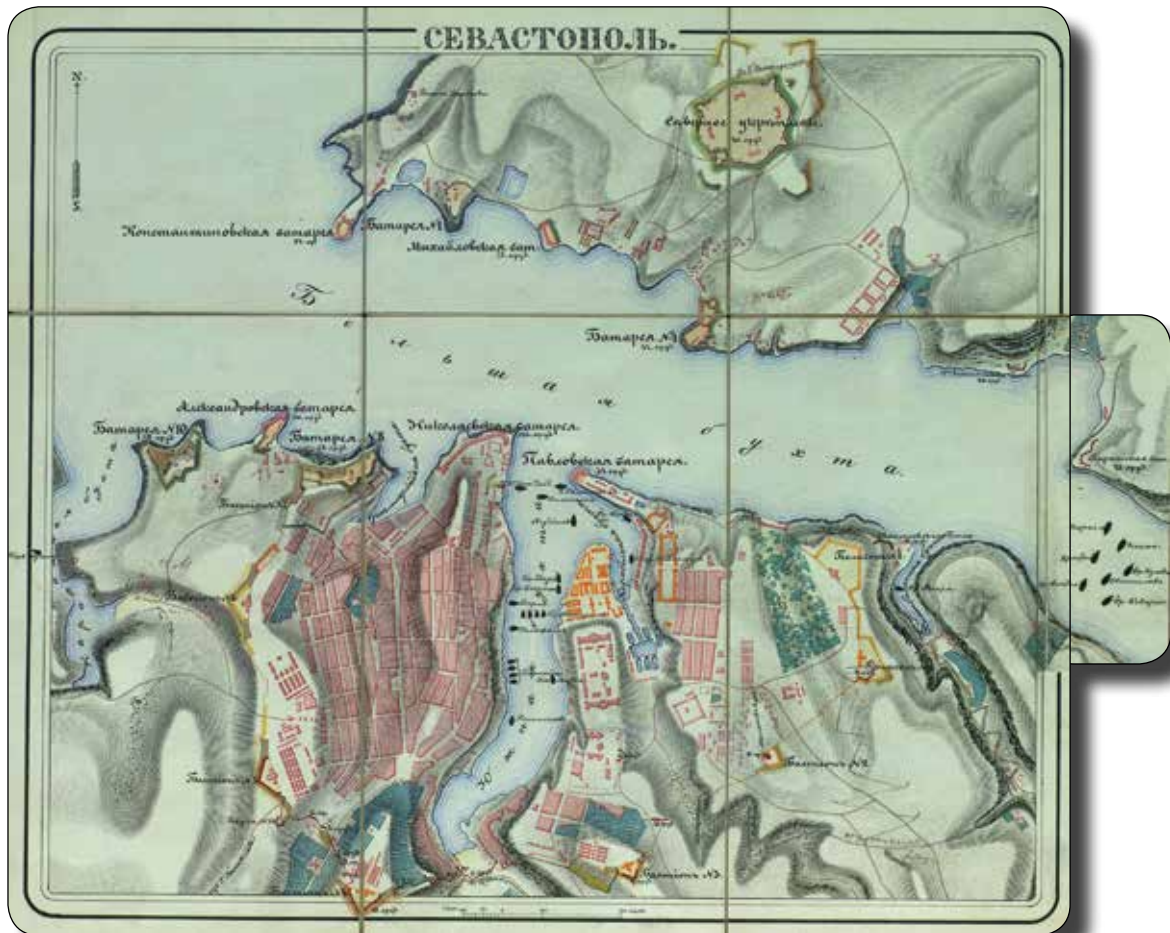
районах Новороссии. По Белградскому мирному договору (1739) к России-победительнице отошел участок степей Северного Причерноморья между реками Северский Донец и Южный Буг. Эти земли тоже надо было осваивать и охранять. При Елизавете Петровне новообетенные пустынные территории начали заселяться крестьянскими семьями, казаками-запорожцами и опять-таки православными славянами с Балкан. Вскоре встал вопрос о славянской колонизации земель вдоль южных границ России. В данном случае речь в первую очередь шла о приглашении жителей венгерского приграничья и части Австрии, которые несли сторожевую службу на турецких рубежах. В основном это были сербские воины с семьями; многие из них являлись беглецами из балканских владений Турции.

Призыв российских властей возымел действие. Полковник австрийской ар-

*Измаил. Дунайский округ. Карта укреплений. 1830-е годы.
Атлас крепостей Российской империи [Карты]. Б.м., [183...]*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Севастополь. План города и Большой бухты. 1830-е годы.
Атлас крепостей Российской империи [Карты]. Б.м., [183...]*

мии серб Иван Хорват-Куртич подал соответствующее прошение, и Правительствующий Сенат не промедлил с ответом, выделив на границе Новороссии с Запорожьем плодородные земли для поселения четырех гусарских полков из «Сербского, Македонского, Болгарского и Волохского народов» общей численностью (с семьями) в 10 тысяч человек. Первая партия славян из австрийских владений — 424 человека — прибыла в Киев осенью 1751 года. Гусары обустроивались ротами на землях, раскинувшихся от реки Синюхи до Днепра. Российское правительство всячески стимулировало миграционный процесс. Рядовому гусару-вербовщику за каждого приведенного переселенца выплачивалось три рубля — сумма по тем временам немалая. Если вербовщик приводил с собой группу численностью до 30 человек, ему давался чин вахмистра, до 50 человек — чин прапорщика, до 70 человек — поручика; приводившему группу, состоявшую преимущественно из офицеров, сразу присваивался чин капитана

русской армии. Так к 1752 году на карте Российской империи появилась еще одна военно-административная единица — Новая Сербия (Новосербия). Прибывающие волонтеры-переселенцы присягали на верность России.

Киевский генерал-губернатор, ответственный за обустройство поселений Новой Сербии, так отзывался о своих подопечных: «Народ бедный, который идет в гусары». Им всемерно помогали — в частности, выделяли наряду с земельными участками строевого леса (такое же содействие оказывалось и переселенцам из центральных российских губерний). Для защиты Новороссийского края от крымчаков в 1754 году на реке Ингул была сооружена крепость Святой Елисаветы (будущий город Елизаветград Херсонской губернии, ныне Кировоград на Украине). Прикрытие со стороны польской границы обеспечивал Ново-Архангельский шанец (полевое укрепление) и Новомиргород.

Вторая колония балканских поселенцев возникла в 1753–1764 годах к востоку

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Новороссийский край и его губернии.
Открытки начала XX века

Климатъ вообще умѣр., но непостоян.

Гербъ губернии.

Населеніе губерніи состав. Великоросіане, Малоросіане, Сербы, Болгары, Молдаване, Цыгане, Пляицы, Шведы, Греки, Евреи и Армяне.

ХЕРСОНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Р

Рѣки: Днѣпръ, Ингула и Днѣстръ.

Въ губерніи 842,400 душъ обою пола.

Почва земли состоитъ изъ гранита, глинъ и туфа. Черноземъ.

ОСОБЕННОСТИ.

Зернощипы, Военный портъ, Морские верфи, Табачн. и Адмиралтейство.

37

Сбыть хлѣба. Виноделие. Рыболовство. Воздѣл. табаку.

Города.

1. ХЕРСОНЪ.
2. Одесса.
3. Тирасполь.
4. Ананьевъ.
5. Богришевъ.
6. Александрія.

Скотоводство. Хлѣбопашество.

Виноделие. Скотоводство. Горы. Виноделие. Горы. Виноделие. Горы.

Въ губерніи основана Императорицею Екатериною второю въ 1778 году.

Торговля внутренняя и вѣдимае доволно развиты.

Климатъ умѣрен. и теплый.

Гербъ губернии.

Населеніе губерніи состоитъ изъ Русскихъ, Татаръ, Болгаръ, Маголицевъ, Евреевъ и небольшого числа Армянъ.

ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Н

Рѣки: Салгира, Верданка и Днѣпръ.

Въ губерніи 512,200 душъ обою пола.

Почва земли: черноземная, песчаная и глинистая.

ОСОБЕННОСТИ.

Крепость Севастополь, Морты и гавани.

38

Виноград. сады. Кричск. горы. Сады и фруктовые сады. Скотоводство.

Города.

1. СИМФЕРОПОЛЬ.
2. Ялта.
3. Феодосія.
4. Евпаторія.
5. Переваль.
6. Алешки.
7. Мелитополь.
8. Бердянскъ.

Хлѣбопашество. Виноделие. Рыболовство. Виноделие. Селаные горы.

Въ губерніи насчитывается одно градоначальство (Городъ Николаевскій).

Торговля по развитыи.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Климатъ умеренный

Населеніе губерніи состоитъ изъ Малороссіи, Великороссіи, Сербовъ, Поляковъ, Грековъ, Армяновъ, Волотовъ, Мадаванъ, Калужевъ, Хоревъ и Чинганъ.

Гербъ губерніи

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ ГУБ.

А

Рѣки:
Днѣпръ и Донъ.

Въ губерніи 810,100 душъ обоего пола.

ПОЧВА ЗЕМЛИ ЧЕРНОЗЕМНАЯ, ГЛИНИСТАЯ И ПЕСЧАНАЯ И КАМЕНИСТ.

ОСОБЕННОСТИ

Крѣпость Таврическая основанъ Петромъ Великимъ.

(Отъ Екатеринославска до С. Петербурга 1579 и до Москвы 915 вѣрстъ.)

39

Скотоводство, Садоводство, Пчеловодство, Рыбоводство.

Города

- 1 ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ
- 2 Славяносербскъ.
- 3 Выхвута.
- 4 Ростовъ.
- 5 Александровъ.
- 6 Топографа.
- 7 Верхнеднѣпровскъ.
- 8 Новомиловскъ.
- 9 Павлоградъ.

Дуновское, Луцкій шпальный заводъ, Чобъ камень, Малевацкое.

Въ Таширотъ въ 1825 году скопленъ Александръ Клягославенскій.

Города производятся довольно дѣшево.

Климатъ теплый пріятъ и здоровъ.

Населеніе состоитъ изъ Великороссіи, Малороссіи, Чинганъ, Армянъ и Грековъ. Въ восточной части козуютъ Калмыки.

Гербъ губерніи

ЗЕМЛЯ ДОНСКИХЪ БАЗАКОВЪ.

МО

Рѣки:
Аксая, Донъ и Цымля.

Въ губерніи 704,300 душъ обоего пола.

ПОЧВА ЗЕМЛИ ПЕСЧАНАЯ, ГЛИНИСТАЯ И ЧЕРНОЗЕМНАЯ.

ОСОБЕННОСТИ

Пристань въ карантинъ: Станъ.

(Отъ Екатеринославска до С. Петербурга 1713 и до Москвы 1040 вѣрстъ.)

49

Дуновское, Рыбоводство, Скотоводство, Раздъ: Аппа и Пенна.

Города

- 1 НОВОЧЕРКАСЪ
- 2 Станица-Ведеринская
- 3 Ново-Царево
- 4 Рѣчь Медвѣдича
- 5 Каменискъ.
- 6 Александровскъ.
- 7 Голодеевскъ Слобода.

Добовъ камень, Раздъ винограда, Железъ и свинца руда, Селаніе озера.

Города посредственно.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

от Днепра, получив название Славяно-сербия. Она протянулась вдоль укрепленной пограничной с крымскими татарами и турками линии, занимая часть территорий современных Луганской, Донецкой и Полтавской областей Украины. Ее административным центром был город Бахмут (ныне Артемовск на севере Донецкой области).

В 1764 году была основана Новороссийская губерния, продолжавшая активно заселяться уже российскими подданными. На степной Юг империи, отныне надежно защищенный, потянулись поощряемые к тому помещиками крепостные крестьяне, а также торговцы и ремесленники, значительно пополнившие население возникавших в губернии городов. Первоначально губернским центром стал Кременчуг (ныне в Полтавской области), затем (1776) тоже стоящий на Днестре новопостроенный Екатеринослав (сейчас — Днепропетровск, в 1796–1802 годах — Новороссийск). Славяносербия превратилась в Екатеринославскую провинцию Новороссийской губернии, в 1783 году переименованную в Екатеринославское наместничество, куда вошел Крым (Таврическая область). Южнее Екатеринос-

лава располагалась Запорожская Сечь, прекратившая свое существование при Екатерине II. Часть запорожцев осела на земле, часть составила Черноморское казачье войско, поселенное на Кубани в треугольнике Тамань — Ейск — Екатеринодар и ставшее в конце Кавказской войны частью Кубанского казачьего войска, а непримиримые ушли на Дунай в турецкие пределы.

Сегодня на карте провозглашенной Луганской Народной Республики значится поселок Славяносербск — административный центр одноименного района Луганской области. Он расположен на берегу реки Северский Донец и когда-то представлял собой шанец Подгорное 8-й славяносербской роты. Командовал ротой капитан Лазарь Сабов, потом его сын Степан Сабов. В 1764 году сербы-переселенцы построили в Подгорном «всем миром» церковь во имя первомученика архидиакона Стефана. Россия стала для них второй родиной.

Екатерина II продолжила дело заселения Новороссии — уже не только христианами с Балкан, но и немцами, которые колонизировали также степное Поволжье. При ней на пустовавшие земли Северного Причерноморья (пре-

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

имущественно его западной части) в большом числе начали прибывать и болгарские семьи. В 1771–1773 годах на дунайское левобережье из турецкой Болгарии под защитой русских войск перешло более 40 тысяч беженцев.

Процесс значительно ускорился после присоединения Крыма к России. Вековая угроза для степных жителей со стороны полуострова полностью исчезла, и сюда хлынул поток переселенцев из Великороссии и Малороссии. В XVIII веке в Новороссии возникли города Николаев, Херсон, Одесса, был заложен Севастополь (1783).

Екатерина II проявляла деятельную заботу о Новороссии, в чем ей активно содействовал генерал-фельдмаршал светлейший князь Григорий Александрович Потемкин, который сыграл выдающуюся роль в освоении этого обширного края, раскинувшегося по степной зоне Юга России от берегов Дуная до Ставрополя. Новороссия сделалась полноценной частью империи и, если можно так выразиться, обрела «государственное звучание»: полкам русской армии стали присваивать наименование «Новороссийский». Одним из первых такого наименования удостоился сформированный

в 1790 году 7-й драгунский полк Его Императорского Высочества Великого князя Владимира Александровича, награжденный впоследствии Георгиевским штандартом за подвиги во время заграничного похода (1813–1814), знаками на шапки за отличие в сражении с турками при Боелешти (1828) и Георгиевскими серебряными трубами за доблесть в битве с турками же при Кюрюк-Дара (1854).

Екатерина II передала сыну Павлу I мощную обустроенную державу. Касалось это и Новороссии. На ее черноморских берегах уже имелось четыре «значительных города» — Севастополь, Николаев, Херсон и Одесса. Севастополь являлся главной базой Черноморского флота, Николаев и Херсон — центрами кораблестроения, а Одесса обещала стать мощным торговым портом. На Днепре стоял Екатеринослав. Степь распахивалась, развивалась торговля, прокладывались дороги.

В 1798 году Павел I своим указом образовал огромную и от этого оказавшуюся трудноуправляемой Новороссийскую губернию с уездными городами: Бахмут, Екатеринослав, Елисаветград, Константиноград, Мариуполь, Ольвиополь, Павлоград, Перекоп, Ростов, Симферополь,

Карта Новороссийского края.

I — Одесская губерния, II — Херсонская губерния, III — Таврическая губерния, IV — Екатеринославская губерния, V — Таганрогская губерния. Б. м., б. г. [кон. XIX в.].

Отдел картографии Российской государственной библиотеки

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Типы новороссийских
великоруссов*

*Немцы-колонисты
из окрестностей Таганрога*

Донские казаки

Обложка книги: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества.

Под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1910.

На странице слева — иллюстрации из нее

Тирасполь, Херсон. В таком виде губерния, однако, просуществовала недолго — до 1802 года. Воцарившийся Александр I разделил ее на три губернии — Николаевскую (получившую затем

название Херсонской), Екатеринославскую и Таврическую, уже считавшиеся земельными. Последнее территориальное приращение Новороссии состоялось в результате Русско-турецкой войны 1806–1812 годов, когда по Бухарестскому мирному договору мы получили Бессарабию, а также крепости Аккерман, Килия, Измаил (возвращенные по этому договору Турции крепости Анапа, Суджук-Кале — будущий Новороссийск — и Потти окончательно вошли в состав Российской империи позднее).

Промышленное развитие Новороссии, начавшееся во второй половине XIX столетия, — тема отдельной даже не статьи, а книги. Здесь отметим только, что оно осуществлялось волей и талантами многих выдающихся российских предпринимателей, строивших здесь шахты, рудники, заводы, создававших необходимую инфраструктуру.

После революции название «Новороссия» по идеологическим причинам перестало употребляться, замененное термином «Северное Причерноморье». Последние официальные упоминания Новороссии относятся ко времени Гражданской войны — они встречаются в приказных документах деникинских войск, занимавших, в частности, район «Одессы и Новороссии». Но в памяти народной Новороссия жива, и народ готов ее отстаивать с оружием в руках, как это мы видим сегодня, наблюдая события на Юго-Востоке Украины.

Источники и литература

Бутурлин Д.П. История войн России с Турцией в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I. Ч. 1–2. СПб., 1829.

Державин Н.С. Болгарские колонии в России. Т. 1. София, 1914.

Загоровский Е.А. Военная колонизация Новороссии при Потемкине. Одесса, 1913.

Кабузан В.М. Заселение Новороссии в XVIII — первой половине XIX века. М., 1976.

Корсаков А.Н. С.Ш. Зорич. Его биография // Русский архив. 1879. № 1.

Лопатин В.С. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791. М., 1997.

Милорадович Г.А. Родословная графов и дворян Милорадовичей. СПб., 1879.

Петров А.Н. Война России с Турцией в 1769–1774 годах. СПб., 1886.

Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным материалам). М., 1909.

Попов Н.А. Военные поселения сербов в Австрии и России // Вестник Европы. 1870. № 7.

Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1897.

Скальковский А.А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848.

Он же. Хронологическое обозрение Новороссийского края. Ч. 1. 1730–1823. Одесса, 1836.

Цвиркун В.И. Переселение из Юго-Восточной Европы в Россию в XVIII в. (вопросы периодизации). Кишинев, 1984.

Шишов А.В. «Балканский» узел в судьбе России. Связь времен. М., 2011.

Праздничные елки

Рождественские и новогодние впечатления москвичей
(1910–1970-е годы)

От публикатора

Предлагаемые вниманию читателей мемуарные очерки относятся к разным периодам XX века. И.П. Кисляков вспоминает рождественские праздники 1910–1920-х годов, Е.Д. Дукова и Н.В. Андреев, двоюродные брат и сестра, пишут, как был воспринят детьми предвоенного поколения вновь разрешенный в 1937 году новогодний праздник; к этому я решила присовокупить свои собственные воспоминания (1960–1970-е). Коротко представлю авторов:

Кисляков Игорь Павлович (1910–1990) — инженер-химик, занимался металлургией редких металлов, научной и преподавательской деятельностью. Родился в Москве в приходе церкви праведных Иоакима и Анны на Якиманке. Его отец, П.В. Кисляков, — детский врач, мать, Н.А. Каверина, — выпускница Высших женских курсов, оба москвичи в третьем поколении. Рукопись представлена дочерью Игоря Павловича О.И. Кисляковой.

Дукова Елена Дмитриевна (1926–2012) — ученый-кристаллограф, кандидат наук. Трудилась в Институте кристаллографии АН СССР (РАН). Впервые в мире отсняла фильм о росте спиралевидных кристаллических структур. Родилась в Москве. Отец — кадровый военный Д.С. Виноградов, участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, мать — преподавательница французского языка Н.П. Боголепова, получившая образование в Сорбонне. В Москве семья проживала в районе Преображенки на улице Алы-

РАССКАЗЫ ИЗ ПРОШЛОГО

мова (до 1922 года — Черкизовский проезд) в здании бывшей фабрики, превращенной в барак.

Андреев Николай Васильевич — художник-график, окончил Московский полиграфический институт, работал в издательствах «Энциклопедия», «Высшая школа». Член Союза художников России, участник выставок, автор готовящихся к публикации воспоминаний «Мальчик смотрит войну». Родился в 1928 году в городе Михайлове Рязанской области в семье художника В.А. Андреева — выпускника Московского училища живописи, ваяния и зодчества и учительницы немецкого языка А.П. Боголеповой, окончившей Бестужевские курсы в Петербурге. В провинциальном Михайлове первое после запрета празднование Нового 1937 года оказалось значительным событием, ярко запечатлевшимся в памяти автора воспоминаний.

Андреева-Пригорина Екатерина Николаевна — искусствовед, дочь Н.В. Андреева и врача А.И. Пригориной. Родилась в 1961 году. Семья жила недалеко от Театра Советской армии.

Тексты печатаются в сокращении и с небольшой редакторской правкой.

И.П. Кисляков

Праздники у нас дома

В нашей семье Рождество и Пасха глубоко чтились, как и по всей России (перед революцией лишь часть русской интеллигенции относилась к ним в известной мере свысока, почитая себя слишком «передовой», чтобы серьезно относиться к национальной традиции, связанной с религией, с Церковью). <...> Подготовка к праздникам требовала немалых «организационно-хозяйственных» усилий. До 1917 года трудностей это не представляло: покупались, соответственно, елка, гусь, подарки или творог, яйца, краска для яиц и опять-таки подарки. Параллельно посещались церковные предпраздничные службы. Перед Рождеством обычно ограничивались всенощной в сочельник, перед Пасхой же на Страстной неделе было много особо торжественных и печальных служб. <...>

Итак, рождественский сочельник 24 декабря (6 января по новому стилю). «До звезды» няня и кухарка Анна Трофимовна пили только чай с хлебом. Утром после чая в столовую доставлялась елка, покупавшаяся рано утром на Полянском рынке (а с 1916 года — на Арбатском) дворником и папой. Елка всегда была до потолка, приносилась с сосульками и остатками снега на ветвях и, главное, с незабываемым запахом, который усиливался при оттаивании. Этот запах леса в комнатах запомнился мне с раннего детства и до сих пор слышится как запах наступающего Рождества. Нарядилась елка вечером. Руководил процессом отец, любивший его и относив-

шийся к нему очень серьезно. Обычай не показывать детям елки до того, как она будет наряжена, у нас отсутствовал. Церемония «одевания» лесной красавицы в праздничный блестящий наряд нам с сестрой очень нравилась. Подарки же детям дарились наутро. <...>

Елочных украшений и игрушек было много. Открывались коробки, где все это богатство хранилось с прошлого года. Большая часть украшений «жила» у нас долго. <...> Некоторые предметы сохранялись десятилетиями. Например, серебряный гном с мешком оставался у сестры Любы до ее смерти — пережил три революции, голод и холод 1919–1921 годов, Великую Отечественную войну, и моя дочка еще вешала его на свои елки...

Но вернемся к рассказу о том, как папа украшал елку. Масса гирлянд и бус разных цветов, роскошные павлины, лебеди, райские птицы, колокольчики, которые звенели так нежно, как это могло быть только в счастливом детстве, звезды стеклянные и мишурные, игрушки картонные, из папье-маше, стеклянные, мягкие... Выдумка у изготовителей елочных украшений была неисчерпаема! И как все это блестело и сверкало при свете зажженных мерцающих свечек! Нынешние электрические лампочки — профанация рождественской елки!

Прежде всего на верхушку елки водружалась большая мишурная серебряная звезда. Затем по ветвям развешивались бусы, а сверху спускались гирлянды. Между гирляндами и бусами папа размещал стеклянные игрушки. Примерно с половины

РАССКАЗЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Из коллекции семьи Кисляковых

*Елочные игрушки:
баярыня, слон,
каска пожарного
(1908–1912),
самовар, девочка,
колокольчик
(1930–1940)*

Рождественские открытки

*Игорь Кисляков с сестрой Любой и друзьями на даче.
Около 1915 года*

высоты елки начинали помогать папе и мы. Года с 1915-го появилось много игрушек из Кустарного музея, организованного Сергеем Тимофеевичем Морозовым. Эскизы для них делали художники Н.Д. Бартрам, Н.В. Поленова, В.А. Ватагин. Это были персонажи сказок, бояре и боярыни, кремлевские башни, животные и птицы, фигурки в национальных одеждах народов России — резные из дерева, шитые из материи и так далее.

Всему отец находил место на елке или показывал нам, где вешать. Помнится забавная карикатурная фигурка Наполеона, изготовленная, вероятно, в связи со столетним юбилеем одоления наполеоновского нашествия. Тогда же поступили в магазины коробки конфет и сервизы с рисунками на темы 1812 года. Например, фабрика Эйнем выпускала шоколад в плитках с вкладышами — репродукциями картин В.В. Верещагина. Требовалось набрать полную серию вкладышей, за что у Эйнема выдавались премии. До сих пор (написано в 1980-х годах. — *Публ.*) у меня сохранилась большая железная коробка из-под печенья с копией картины А.Д. Кившенко «Военный совет в Филях». Надо помнить, что 25 декабря, то есть в первый день Рождества, отмечалась годовщина «изгнания из России двенадцати языков». <...>

Но вот елка наряжена. Отец с гордостью посматривает на нее и на нас — ценителей. Мы с Любой, конечно, в восторге. Но нас еще мучает вопрос: что обнаружится завтра

утром в рождественских чулках? С этим вопросом в душе уходим спать. На следующий день просыпаемся необыкновенно рано. В окно с морозным узором светит фонарь. Тянешь руку назад — ну конечно, чулок висит, полный каких-то неизвестностей...

Подарков на Рождество и Пасху нам дарили много — и папа, и мама, и дядя Коля, живший с нами, еще кто-то. Однажды в чулке оказалась кукла — рыжеусый пожарный в медной каске с топориком и связкой веревок на поясе. Говорили, что на меня 2–3-летнего он произвел огромное впечатление. Находили мы и коробочки с оловянными солдатиками — русскими, немецкими, французскими, а в годы Первой мировой войны как-то раз достали из чулка целый санитарный обоз — кареты, двуколки и так далее. Всегда дарились книги — в конце концов у нас собралась прекрасная библиотека «для детей и юношества». <...>

Разобравшись с обретенным богатством еще в постели, встаешь, умываешься, пьешь молоко. Уже полностью рассвело. Идешь к родителям в столовую. Там сервирован праздничный общий чай. Поздравляешь, преподносишь всем заготовленные загодя сувениры — обычно рисунки или разукрашенные тексты сочиненных тобой стихотворений. Читаешь эти стихотворения во всеулышание — и ритуал завершен. Днем является церковный причт служить молебен. Взаимные поздравления. Священник, диакон, прочие — все нам давно знакомы. После революции

РАССКАЗЫ ИЗ ПРОШЛОГО

молебны по домам еще служились примерно до начала 1920-х годов, хотя вроде бы их запретили раньше. <...>

Рождество — это снег и морозы, следовательно, катание во дворе с горы на санках или лыжах, которые тоже могли оказаться в числе подарков и требовали обновления. Иногда в первый день Рождества мы ездили с папой на извозчике поздравлять бабушку на Девичье Поле или тетю и дядю в Староконюшенный переулок. Обычай делать поздравительные визиты в Рождество и на Пасху, широко распространенный до революции, в 1925–1926 годах еще кое-где бытовал.

Вечером у нас собирались гости — ближайшие друзья семьи и родственники с детьми. Специально детских праздников не устраивали. <...> Зажигалась елка, мерцали свечи, переливались и сверкали украшения. Было весело и душевно. Дети не отделялись от взрослых, но и не мешали им, поглощенные своими играми.

До сих пор кажется, что эти праздничные вечера длились бесконечно...

Е.Д. Дукова

Наша первая новогодняя елка

В советское время праздничные елки запретили, сочтя их пережитком прошлого, хотя первое время они еще устраивались по инерции в некоторых семьях. Смутно помню, что когда мне было года четыре, я видела нарядную елку у моей крестной на Воздвиженке. Затем елки исчезли. Мы о них могли только читать в старых книжках как о чем-то сказочном, несбыточном.

Однако перед войной стали поговаривать, что новогодние елки опять разрешены. Между тем сами елки нигде не продавались, елочные игрушки — тоже. Я услышала от соседей, что на платформе ближайшей к Москве железнодорожной станции, куда доезжал 46-й трамвай, можно купить у частников елку. Пошла просить об этом родителей, но они не пожелали связываться со спекулянтами. Я, тогда ученица 4-го или 5-го класса, объявила, что сама достану елку, были бы деньги. На меня поглядели с сомнением, но денег дали.

Следующим утром я села на 46-й трамвай и доехала до станции. На платформе никаких елок видно не было. Вскоре оставилась электричка, и из нее вышел мужчина с елкой в руках. Я решительно напра-

*Лена Дукова с братом Сергеем и друзьями.
1930-е годы*

вилась к нему и попросила продать елку, показавшуюся мне прекрасной. Поколебавшись, он согласился. Мы сторговались, и с елкой на плечах я направилась обратно к трамвайной остановке. В трамвай еле влезла, кое-как втиснувшись на площадку. Пассажиры удивленно поглядывали на девочку со столь необычной ношей.

Я доехала до своей улицы. Торжественно пронесла елку по тротуару — прохожие оборачивались мне вслед.

Привезенная мной елка оказалась единственной на весь дом. Сразу же возникла проблема: чем елку наряжать? Игрушек-то не было. Они могли оставаться с прежних времен в Михайлове (где семья проживала ранее. — *Публ.*). Мы на всякий случай написали туда, а пока засели за изготовление собственных игрушек.

Это было увлекательное занятие. Брат Сергей и все ребята в доме принимали участие. Мы обклеивали спичечные коробки фольгой, делали разные фигурки из яичной скорлупы и из ваты, обмазанной клеем. Хорошо ли, плохо ли, но в целом елку удалось нарядить. И вдруг через несколько дней из Михайлова прибыла посылка. Мы открыли ее и ахнули при виде этого послания из прошлого века: серебряный дождь, золотые и серебряные ангелы, сказочные пастушки,

РАССКАЗЫ ИЗ ПРОШЛОГО

множество других блестящих чудес... Наша елка вмиг преобразилась — сверху донизу засверкала, подсвеченная самодельными фонариками. Весь дом приходил к нам полюбоваться и порадоваться. Мы устраивали перед елкой игры, ставили сценки, изображали шарады.

Вскоре началась война, и праздники надолго оказались забыты. Игрушки, сложенные в ящик, сырели в нетопленной квартире. После войны, конечно, у нас были другие елки, но эта, первая, навсегда осталась в памяти.

Н.В. Андреев

Новогодняя елка 1937 года

<...> С установлением советской власти новогодний праздник попал под запрет. Нам, детям довоенной поры из маленького провинциального городка Михайлов Рязанской области, он просто не был известен. <...> Мы знали только два праздника — Первое мая и Седьмое ноября. <...>

Но вот в канун 1937 года в нашей школе объявили, что в этом году для детей будет устроена новогодняя елка. Нас удивило, что к событию не требовалось готовить ни плакатов, ни лозунгов, ни знамен, ни революционных песен — предлагалось только опрятно одеться и явиться к назначенному часу в актовый зал Михайловского педагогического училища.

Мама, как могла, нарядила всех нас — пятерых отпрысков. Декабрьскими сире-

невыми сумерками, скрипя новенькими ботиночками с калошами на красной подкладке, мы подошли к тяжелым дверям училища. В нижнем этаже горело только одно окно, а наверху светился огнями актовый зал. Мы взволновались. По дороге мама рассказала нам, что здесь в свое время располагалась Михайловская классическая женская гимназия, которую мама окончила, а построила здание гимназии и была здесь первой директрисой наша двоюродная бабушка Феодосия Дмитриевна Городцова-Твердова. После революции гимназию у бабушки отобрали, она обиделась и уехала в Ленинград к сестре. Мы не понимали, как бабушка могла построить столь большое и красивое здание.

В нетопленной раздевалке мы сразу замерзли. Перед большой парадной лестницей образовалась толкотня — дети стремились уйти наконец из-под опеки родителей, родители боялись потерять детей. Над большим окном актового зала висел транспарант: «Поздравляем с Новым 1937 годом!» Зловещий смысл этой даты будет явлен очень скоро. <...> А пока мы поднимаемся по лестнице навстречу «Новому 1937 году». Всех встречает элегантно одетая Мария Васильевна Ушакова — выпускница Московской консерватории, ученица С.В. Рахманинова. Она преподает в училище музыку и руководит училищным хором. <...> Строго, но приветливо Мария Васильевна глядит на нас сквозь пенсне

Город Михайлов. Пронская улица. Открытка

*Николай Андреев (в центре) с братьями Василием и Юрием.
Город Михайлов. 1939 год*

на шнурочке. Рядом с ней в черных костюмах — незнакомые нам преподаватели. Поодаль группа старшеклассников с красными повязками на рукавах — дежурные. Мы завидуем их избранности и важности. После приветствия от учителей Мария Васильевна поднимается на подиум к роялю. Мы поначалу не соображаем, что маршевые звуки относятся непосредственно к нам. Оказывается, надо взяться за руки, образовать хор и ходить то влево, то вправо вокруг елки.

Елка — высокая, тощая, кое-как украшенная гирляндами из самодельных бумажных флажков. Производство елочных игрушек в стране отсутствовало, они не продавались даже в больших городах, а уж тем более в провинции.

От нашей беготни воздух немного согрелся. Запомнился следующий эпизод. Из левых дверей вышел высокий человек в вывернутой шубе и шапке, изображавший, должно быть, Деда Мороза. Он держал на веревке огромного бурого медведя. Медведь стоял на задних лапах. Мы попятились, девочки завизжали. Позади этой группы двигалось что-то вроде

kozy в деревенском сарафане и с березовой метлой в руке. Медведь рычал, грозился всех забрать в лес. Вскоре по голосу мы узнали в нем Тольку Огурцова и, осмелев, стали его щипать и задирать. Видно, сценарист действия по своей неосведомленности смешал в одну кучу рождественские и масленичные народные забавы. Но стало весело, и мы ожили.

Тут объявили, что сейчас будет чтение стихов и басен. Все сгрудилось у сцены, однако оказалось, что стихи и басни читать должны мы — кто посмелее и попамятливее. Ребята начали пихать друг друга в бока и выталкивать вперед. Наконец смельчаки нашлись. Слушатели их подбадривали, подсказывали, поправляли. Звучали басни И.А. Крылова, стихи А.В. Кольцова, И.С. Никитина, И.З. Сурикова, Н.А. Некрасова. <...>

Чтение деликатно остановила Мария Васильевна Ушакова вопросом: «Дети, кто знает слова новогодней песенки “В лесу родилась елочка”?» Никто не знал. «Тогда мы сейчас ее разучим». Мария Васильевна села за рояль. Так мы впервые услышали этот своеобразный детский новогодний гимн.

*Елочные игрушки,
сделанные Е.Ф. Пригориной.
1930-е годы*

Весть о скорой раздаче подарков всколыхнула нас. Все сбились в угол, где за столом восседал тот самый Дед Мороз в вывернутой шубе. Он выдавал подарки по списку, и тут мы узнали, как кого зовут. Подарки были заключены в самодельные склеенные коробочки. Каждая коробочка содержала понемногу печенья, конфет-подушечек и леденцов. Нас не огорчила такая скудость. Ведь отныне мы обретали гораздо большее — настоящий детский праздник. Новый год.

Е.Н. Андреева-Пригорина В лесу родилась елочка...

Новый год приближался медленно и словно посылал о себе весточки. Вот на стадионе «Труд» залили каток. Вот в «Детском мире» начали продавать елочные игрушки и электрические гирлянды. Вот на некоторых окнах появились искусно вырезанные бумажные снежинки, а между рамами на толстом слое ваты, искрящемся крошкой разбитых прошлогодних игрушек, — радостно глядящие на прохожих

РАССКАЗЫ ИЗ ПРОШЛОГО

ватно-бумажные Дед Мороз и Снегурочка. Кое-где окна украшались еще и фонариками, превращаясь в подобие витрины или театральной сцены, причем вся красота была обращена именно на улицу, а не внутрь жилища.

Еще один праздничный сигнал — написание поздравительных открыток. Ежегодный неразрешимый вопрос: сколько заглавных букв в заветном словосочетании «С Новым годом!» — две или одна? От радостных чувств все буквы, казалось, должны были быть большими и разноцветными. Эта орфографическая проблема плавно сменялась следующей, аналогичной, касающейся словосочетания «День рождения». Дело в том, что мой день рождения — 5 января — «стоит» рядом с Новым годом. По поводу устраиваемой в доме елки я не сомневалась: ее приносят и наряжают ради этой даты. Убеждение подкреплялось тем, что в нашей семье Новый год не стал теплым домашним праздником, как у большинства советских людей. Родители уходили праздновать с друзьями, наши бабушки, мирно попив чаю и заглянув на «Голубой огонек», ложились спать.

Вся накопившаяся энергия ожидания изливалась в мой заветный день. Именно к этому дню появлялась дивно пахнущая елка, на столе возникали столь же дивно благоухающие мамины торты и бабушкины пирожки, весь дом заполнялся гостями, и именно в этот день приходил Дед Мороз! Почему роль Деда Мороза ежегодно доставалась маме, для меня загадка до сих пор. Она появлялась, наряженная в собственное вывернутое наизнанку зимнее пальто и папину шапку-ушанку. Для «неузнаваемости» лицо прикрывала маска: здоровенный красный нос с усами. Дед Мороз, как и положено, опирался на посох (старую бамбуковую лыжную палку), за спиной у него висел мешок. И хотя мешок был серый и невзрачный, подарки из него извлекались самые настоящие. Подарок, впрочем, требовалось заслужить — рассказать стихотворение, спеть, сыграть на пианино, разгадать загадку. Благонравные девочки проделывали все это довольно бойко, а мальчишки, как и во все времена, тотчас ломали чинность церемонии. Стихов и песен от них было не добиться, в лучшем случае они соглашались прыгать на одной ноге по комнате или кукарекать под столом. Потом все играли во «мнения». Водящего выдворяли в коридор, остальные участни-

*Лена Андреева. Елка в детском саду.
1959 год*

ки сообщали свои «мнения» о нем ведущему. Когда водящий возвращался, ведущий начинал: «Вчера я был на балу, сидел на полу, ел халву и слышал о вас такую молву. Одни говорят, что у вас...» Водящему предлагалось отгадать, кто и что о нем сказал.

Простой вопрос: почему в других местах тоже стоят елки? — меня не занимал. Тем более что там елки вообще, моя же — особенная. Это не просто дерево, а почти живое существо, долгожданный гость. Она являлась ко мне не с суетливого базара, а терпеливо, накрывшись снежком, ждала встречи со мной. Ее каждый год разыскивал в лесу папа. Истории о том, как он пробирался на лыжах по заснеженному лесу, как его вели заячьи следы, а за кустами мелькал волчий хвост, звучали волшебными сказками.

Мне, девочке читающей, были знакомы описания веселых праздников с елками, подарками и танцами, относящиеся к эпохе, которую моя бабушка Катя помнила и обозначала словами: «при царе». Но понять из этих описаний, что речь там идет не о Новом годе, а о совсем другом празднике — Рождестве, я тогда не могла. Признаюсь, больше всего из прочитанного меня озадачивало наличие в одной квартире столовой, гостиной, кабинета

РАССКАЗЫ ИЗ ПРОШЛОГО

и залы, где висится красавица-елка, а вокруг нее можно еще и хоровод водить. В нашей московской коммуналке столовая, гостиная, спальня и кабинет «существовали» в одной проходной шестнадцатиметровой комнате. Единственным местом, куда помещалась елка, был письменный стол старшей сестры. Водруженная на нем лесная красавица становилась знаменем праздников и зимних каникул. Заваленный в обычные дни учебным хламом стол совершенно преображался. Его покрывал белый кружевной подзор, появлявшийся из бабушкиного сундука. Перевернутая табуретка служила пьедесталом; внутри прятался бидон с водой, а снаружи все маскировалось ватой, обсыпанной блестящей крошкой.

Дальше происходило самое главное: на свет извлекались пыльные коробки с игрушками — это напоминало встречу с дорогими надолго уезжавшими друзьями. Самыми любимыми были те, которые давным-давно делала бабушка Катя. Когда перед войной детям вернули новогодний праздник с его непременным атрибутом — елкой, елочных игрушек в магазинах не было. На выручку пришли начавшие изготавливать их артели надомниц. Материалом служили вата, клейстер, проволока, фольга, кусочки ткани. В такой артели трудилась и бабушка. Акробаты на качелях, парашютист, снеговик, гнездышко с птичками, «папанинцы на льдине» сберегаются в нашем доме по сей день. В середине 1960-х годов появились затейливые изящные чешские игрушки из блестящих бусин

и бисера. Ну а шары, сосульки и шишки с инеем научились делать и у нас. Каждый год появлялись какие-нибудь новинки, но особая любовь все же доставалась ватным долгожителям. На самом дне коробок все еще лежали подсвечнички-прищепки, однако ими больше не пользовались — «вчерашний день». Новая эпоха явила себя гирляндой фонариков в виде фигурок героев детских книг и мультфильмов: Чиполлино, Буратино, Карандаш, Незнайка, Винтик и Шпунтик... Смущало одно: вместо ног у них были ламповые цоколи.

Обычно украшением елки занимались папа, сестра и я. Но однажды поучаствовала бабушка Катя — как всегда, оригинально. Из картонок, ваты и фольги она смастерила заснеженную избушку. Внутри у светящегося окошка сидела большая кукла с маленькой на руках. Избушка медленно вращалась на круге старого проигрывателя. Видимо, это было нечто восходящее к рождественскому вертепу, но о подобных вещах мы в то время и понятия не имели.

Когда все игрушки развешивались, мы садились полюбоваться делом рук своих. Выключался свет, зажигались огоньки, и приходило чувство единения, мира, полноты, достоинства какого-то торжественного обетования. Мы переживали Рождество, которого не ведали. Словно любящие нас души где-то радовались вместе с нами...

*Публикация и предисловие
Екатерины Николаевны Андреевой-
Пригоиной.*

ИНФОРМНАУКА

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ СТРАН СНГ И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ!

ООО „ИНФОРМНАУКА“ осуществляет:

- ПОДПИСКУ НА РОССИЙСКУЮ ПЕРИОДИКУ
- ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ И КНИГ
- КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ НАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ БИБЛИОТЕК
- ПОСТАВКУ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ НА ЭЛЕКТРОННЫХ ПОСИТЕЛЯХ

Россия, 125190, Москва, ул. Усиевича, 20
Тел.: +7(495) 787-38-73. Факс: +7 (499) 152-54-81
E-mail: alfimov@viniti.ru www.informnauka.com

INFORMNAUKA

*Анна Филипповна Грушина,
Елена Ивановна Кавтарадзе*

Пюхтица. Перебирая паломнические четки...

К 125-летию Пюхтицкого Успенского женского монастыря
(Эстония)

Эти заметки писались четверть века назад. С тех пор изменилось многое. Ныне Пюхтицкий монастырь, расположенный на Святой горе возле деревни Куремяэ, находится на территории другого государства — суверенной и часто не очень дружественной к России Эстонской Республики. В 2011 году скончалась тогдашняя настоятельница — приснопоминаемая

схиигуменья (2010) Варвара (Трофимова), возглавлявшая монастырь более сорока лет. Но сами Пюхтицы пребывают неизменными; под руководством игуменнии Филареты (Калачевой) обитель продолжает оставаться «форпостом православия в Эстонии», и наши впечатления четвертьвековой давности ничуть не поблекли. Итак, начнем перебирать четки...

Бусина первая.

Языческая

Много преданий связано со Святой горой, которую когда-то, в пору непуганых птах, нарекли «Журавлиной» — «Куремаяэ». И сейчас крик дикой прекрасной птицы слышится в ее имени...

Во все времена гора считалась священной. Древние эсты поклонялись тут забытому ныне языческому божеству. Люди племени чудь приносили в дубовой роще жертвы своим грозным идолам. Лишь одно дерево осталось от той дубравы. Глубокими бороздами потрескалась кора тысячелетнего исполина, поросла мхом, заткан ствол кружевом лишайников, высохли и отмерли многие ветви, но все еще тянет могучий старец навстречу солнцу свои изузоренные листья. По народным сказаниям, именно здесь совершал подвиги славный эстонский богатырь Калев, тут и настигли его, спящего, недруги, злодейски перерезали жилы, и истек кровью герой, и был погребен близ Журавлиной горы.

Бусина вторая.

Чудо обретения иконы

В XVI веке произошло событие, которое влелело драгоценнейший из цветов в венке преданий Журавлиной горы. Летопись Сыренецкого Ильинского храма повествует о том, как безвестный эстонский пастух однажды увидел Богородицу. В лучезарном одеянии стояла Она, и живоносный ключ бил у Ее ног. Но едва крестьянин приближался, Пречистая Дева исчезала, не подпуская к себе. Так длилось два дня. Многие устремились к источнику и, приобщившись воочию к чуду, укрепились в вере своей. На третий день видение растаяло, а в месте том эстонцы-лютеране нашли икону древнего письма. Они сразу догадались, что касаются святыни, но не смогли понять явленного на доске, поскольку вера их отвергала поклонение иконам. Тогда отдали образ православным крестьянам, и те узнали Пресвятую Богородицу, покоящуюся на одре Успения.

Вскоре благочестивые окрестные жители сложили на нижнем уступе горы часовню для чудотворной иконы, воспринятой ими как милость Божия, редкостный дар небес. С тех пор Журавлиная гора стала называться Пюхтицкой, то есть (в переводе с эстонского) Святой.

Бусина третья.

Розарий

Монастырские цветники...

Мы приоткроем калитку, и невысокое устье ворот впустит внутрь, за ограду обители, туда, где колышутся у ног многоцветные волны, вобравшие все оттенки, разбрызнутые радугой. Тонкий аромат вселяется в душу. В вертограде этом, где земля старанием обращена в пух, нет храма. Свод бездонный над ним и купель неба, а звонница — стебель, гнущийся от тяжести колокольных даров. Здесь кафельницы — цветы, то неподвижные, то покорные ветру, но их изысканная пестрота — всегда лишь рифма к черному бесцветью иноческих одеяний, а яркость — печать творения, предвестие исхода цвета, пир, за которым грядет Великий пост. Чтобы цветник сделался священным, нужен гербарий с листьями темнее самой глубокой черноты бархата; его краски должны предстать драгоценной инкрустацией, дивной вышивкой на облачениях инокинь. (Прекрасны одежды спешащих в храм монахинь, наклон голов и поток черной ткани, ниспадающий с высоких клобуков, та стремительность и легкость шага, когда шумят складки мантии, а беглые тени таинственно прозрачны, подернутые мозаикой опавших лепестков.)

Саму судьбу людскую олицетворяют вещие монастырские цветы, в них — все краски, выпавшие на долю мира. Паломничество наше озвучено едва слышным лепетом тычинок, шорохом ветра, исповедующего цветы, и тогда язык их кажется еще нежнее и душистее. Вот сонм синих колокольцев, полных нектара и немого звона. Под хрупкими куполами стоит мо-

литвенное гудение шмелей, их реликвиям поклоняются бабочки-молчальницы, жужжат, хлопчут у роскошных венчиков пчелы — так трудятся инокини, выпалывая сорные травы меж розовых кустов и лилий Благовещения в этом саду Рая, отраженного островком обители.

Время течет, отмеряемое колокольным звоном, тенью креста над колодцем свя-

той воды, и небывалая плексидра — кран над клумбой бегоний — роняет капли, ведя счет секундам. Истинны здесь только солнечные и лунные часы — безупречный циферблат светил...

Бусина четвертая.

По заповеди

«Держитесь за травку — ограда спасет», — наставлял пюхтицких насельниц духовный пастырь монастыря праведный Иоанн Кронштадтский. Сто лет уж тому — а вот так все и держатся за травку, многотрудную и многострадальную историю нашу пережив вместе со страной.

Работая, сестры поют. В Пюхтице пели даже тогда, когда раскатывали аршинные бревна пришедшего в ветхость странноприимного монастырского дома, после революции превращенного в больницу для престарелых. Когда к 1000-летию Крещения Руси здание вернули обители, сестры увидели: ремонту не подлежит, легче разобрать и на старом фундаменте возвести новое. Возвели за полгода...

Свежие овощи в обители почти круглый год, от аромата монастырского меда кружится голова, а за рецептами выпечки хлеба и просфор сюда едут из самых отдаленных епархий. Кстати, хлеб на Святой горе выпекают не в газовых духовках, а только на дровах. Объяснение

простое: «Хлебушек газ не любит. На дровах — ароматнее».

Со сложным инженерным оборудованием котельной легко справляются две послушницы с высшим техническим образованием. Рычаги, кнопки, тумблеры. Видно, как бушует внутри пламя. На невольный возглас: «Страшно-то как!» — в ответ звучит резонное: «В аду страшнее».

Уютно в тиши монастырской переплетной, где пахнущие временем фолианты отсвечивают новым тиснением, а в кастрюле булькает клей. «Привозите старые книги — подлечим. Если матушка благословит...»

Бусина пятая.

Собор

Может быть, ключ к чарам Пюхтицы спрятан в колокольне — сокровищнице звона, или тайна ее — в потоке света, то слепяще-белого, то жемчужного, который льется из оконниц апсиды в полукружие Царских врат. Лучи, перемешиваясь с дымами воскурений, ткнут в воздухе собора колеблемую дымку. Она колышется, проникает под цветное стекло лампад, вселяется в каждый завиток резьбы иконостаса. Все вокруг спаяно из тончайших золотых струн, и этот паутинно-легкий узор сродни вечной завесе сокровенного. Не дивное ли кружево застыло металлом, оцепенев перед смуглоликими иконами в чеканно-пышных ризах? Священному зодчеству света и дыма вторит монастырский хор, голоса поющих инокинь слышны и за стенами собора, они сочатся сквозь окна, в которые видно, как замерли в храмовом сумраке огни ветвистого паникадила. Так Божественная литургия изливается в мир, благословляя его цветники. И горит на монастырском дворе неугасимая лампада, внушая мысль о незримом покровительстве.

Храм будто пронизан волшебными шелковыми шнурами, свитыми из нитей, окрашенных в медвяную охру, киноварь и зелень. Цвета-символы то усиливают

звучание, то смиренно отходят в тень подголоска, вслушиваясь друг в друга. Иконной киновари доверена роль священного орнамента, своеобразной каменной графики, проступившей в оболочке архитектуры. Это она призвана обвести пламенеющей каймой порталы и проемы оконниц. Следя с замороженной покорностью солнечного луча пластике дуг и столбов, красный кирпич словно возводит собор заново, подчиняясь взгляду, уводимому плавностью линий. Огонь взбегает на барабаны церковных глав, чтобы на века обметать их легким узорочьем, и, насыщаясь его горением, храм даже в непогоду излучает свет. Если же посмотреть на купола в солнечный полдень, кажется: не видимые глазу струны стягивают их, и зеленые главы искрятся изморозью, индевеют в жарком свете на пике лета — вот одно из чудес, дарованных созерцанием! Родившись в траве монастырских лужаек, зелень прольется на скамьи, плеснет на купола, чтобы, читаясь на бессмертном фоне, напомнить о кронах лета, уже тяготящегося своими плодами. Ведь именно в прощальную пору тепла, на излете зноя, отмечает Православная Церковь Успение — праздник, которому посвящен Пюхтицкий монастырь, и земная зелень, вознесенная к куполам собора, благословляется вечными сводами.

Бусина шестая.

Праздник

Успение Пресвятой Богородицы всегда было великим торжеством на Святой горе.

1888 год. Два лета оставалось еще до официального открытия монастыря, но и в этот на редкость теплый и безветренный август нескончаемым потоком шли в Пюхтицу богомольцы. Предоставим слово очевидцу — этнографу, историку, юристу Михаилу Николаевичу Харузину (1860–1888):

«Трудно передать всю красоту этого зрелища — молитвы перед иконой Богородицы многотысячного народа православного с архиереем во главе: так много чувства, так много искренности и силы веры, так мало внешних эффектов, так мало позировки — на этой картине, при всей ее великой торжественности, лежала печать простоты, кротости и смирения, столь всегда отличающих все наши народные торжества и события». Заходило солнце, начиналась всенощная. «Владыка Арсений служил всенощную частью в храме, частью на открытом воздухе. Когда читали акафист Богоматери, все богомольцы зажгли восковые свечи и весь склон холма усеялся тысячами маленьких огоньков».

Время, стерев одни штрихи, обогатило праздничные торжества новыми. Не менее волнующей предстает через столетие картина крестного хода с чудотворным образом Богоматери от собора до живоносного источника — почти километр по ковру из живых цветов, специально выращенных к этому дню. Но более всего роднит тот далекий и нынешний праздники дух кротости, искренности и благочестия.

Бусина седьмая.

Матушка Варвара

Игуменья Варвара. Она безошибочно знает, кого надо утешить или ободрить, кому какое послушание назначить. И не вспомнят в обители случая, чтобы кто-то не справился с работой, если на нее благословила сама матушка. Только ей ведомо, почему мать Никандра весь световой день проводит в парнике, а послушница Надежда — в живописной мастерской... Но здесь никого не удивляет, когда до того не рисовавшие вдруг обнаруживают живописный талант, а не имевшие как будто голоса начинают делать успехи в хоре матушки Георгии. Прошлым летом в Пюхтицу из Грузии приехали молодые послушницы учиться

золотошвейному делу. С тонким этим искусством, повсеместно почти утраченным, знакомы они были лишь понаслышке. В первые дни рвалась и скручивалась нить, выскальзывала из пальцев иголка. Через месяц каждая из учениц могла расшить плащаницу.

В обители, как в каждой доброй семье, помимо общепринятых, есть свои домашние праздники. К ним готовятся загодя, о них помнят, когда они уже миновали: обернется год — и снова придет такой день — с пирогами и подарками, со словами величания. Так празднуют на Святой горе именины матушки. Задолго до желанного декабрьского торжества сестры, хоронясь от посторонних глаз, начинают рисовать и вышивать, вырезать и клеить. Сюрприз, неожиданность подарка — опять же, как в любом добром доме — являются неотъемлемой частью праздничного ритуала. За долгие годы из даров матушке сложился настоящий музей, где рядом с наивными самодельными открытками на евангельские сюжеты выставлены иконы профессиональных мастериц, где по макетам монастырских храмов и первой на Святой горе часовни, по изображениям

священного дуба, у которого была обретаена чудотворная икона Успения Божией Матери, можно проследить всю историю обители. Музей быстро пополняется, все работы бережно хранятся. Вот только улей — большой макет Успенского собора — вынесли на пасеку, где он и служит по прямому своему назначению — соборным домом для пчел.

За праздниками, как тому и следует быть, наступают будни, и внутренняя монастырская жизнь вновь течет своим чередом: надо косить сено, доить коров, пахать и сеять, заготавливать дрова...

Бусина восьмая.

Элегическая

Путь к вершине Святой горы начинается у монастырского колодца, где игрушечный храмик таит хранилище живой влаги. За старыми кленами — взлет крутой лесенки, и вот из расступившихся крон является храм преподобного Сергия Радонежского. Причудливый, деревянный, он поднялся над склепом князя Сергея Владимировича Шаховского, любившего бывать в обители, устроенной во многом его усердием и благотворительностью. Янтарные стекла впускают внутрь преображенный свет, но скорбен резной дубовый иконостас, вдру-

напомнивший барочные надгробия, погребальные венки прячут в ветхой хвое фарфор пугающе нетленных роз, всюду грустные лампы, и терпкий дымок — кафельный, давний — витает в лиловатом воздухе храма-усыпальницы.

Бусина девятая.

Кладбище

Невыразимо пронзительное чувство охватывает бредущего вдоль легкого частотола кладбищенских крестов. Чудесно пленение серебристой вязью; тишина и ажурные ризы вокруг — завеса, зыблемая сумерками. В надгробиях монастырского погоста заключена та суть, что способна открыться, лишь будучи облеченной в иносказание. Витой крест, словно исходящий тонким свечным пламенем, — душа, вспорхнувшая из могильного камня, дыхание плоти, некогда валунно-косной, глас преображения гранитной глыбы, найденной в лохматой ржи эстонского поля. Иноческий крест — это арабесковое касание воздуха, контур молитвы, ставшей узором металла, стебель жизни, срезанный лезвием перекладки — та доступная зрению грань, за которой простирается власть безвидного. Весть оттуда — лишь острый след крыла, со свистом

взрезавшего ветер, послание на темной воде, доверенное ряби, и бледный цветок у подножия креста, что повторен в знаке Воскресения, и паутина — ошибка орнамента, сбившегося на сны о карте Вселенной, и колосья, напитанные всеми ливнями, словно кисть Создателя, хмельная от замеса палитры мира. Стоит закрыть глаза — и, кажется, слышен полет стрижей... Всюду только кресты, шитье невесомой плащаницы, наброшенной на землю, будто уплотнился в белой ночи бессмертный жест крестного знамения. Не в этой ли хрупкой вязи, прикованной к гранитной тверди и парящей, еще одно таинство Пюхтицы?..

Бусина десятая. Святой Николай

В ограде монастырского кладбища на первом уступе Святой горы стоит деревянный храм. Потаенный, скромный, он словно выстроен для глаз немногих. Трогательная легенда овеивает его появление. Издавна у склонов горы ставили уединенные часовни. В ту пору часто случались пожары, однажды вместе со всей деревней погибла в пламени и Пюхтицкая часовня. Икона же старого письма с ликом святителя Николая, хранившаяся в ней, загадочно исчезла.

Прошло время. На пепелище возвратились люди, отстроили жилье, а о часовне забыли... И вот как-то двум крестьянам явился во сне святитель Николай и сказал сокрушенно: «Все вы тужите о своих домах, а о моем доме никто не заботится и меня оставляют в колодце». Наутро пропавшую было икону в самом деле обнаружили на дне колодца, и вскоре крестьяне сложили на месте сгоревшей маленькую часовню, прозванную Никольской во славу святителя Николая чудотворца, заступника в скорбях и напастях. В 1885 году ее сменила деревянная церковь — самая ранняя на Святой горе, десятилетием позже переименованная в Николо-Арсеньевскую: так Пюхтицкая обитель обрела еще одного небесного покровителя — преподобного Арсения Великого, чье подвижничество служение признается образцом для принявших постриг. Цвет маковки сроднил ее с траурной зеленью елей, и только золотой символ веры отмечает присутствие храма, готового раствориться в природе, слиться с деревьями — потомками тех, что когда-то легли в его стены.

Бусина одиннадцатая. Живоносный источник

Дорога к благодатному ключу, что начал бить из-под земли в день явления Богородицы, пересекает монастырское кладбище и, стекая с нижнего уступа горы, идет через поля по аллее. Стоя возле

часовни перед мозаичной иконой Божией Матери и вглядываясь в кроткие волны у ног Пречистой, вспоминаешь еще одну пюхтицкую легенду.

Чудесное видение было даровано отроку. В 1931 году тринадцатилетний мальчик увидел в водоеме, куда стекают целительные струи источника, Тихвинскую икону Божией Матери. Подошедшие следом подумали, что образ Богородицы, набранный из кусочков смальты, покоится на дне, испуская свет, но икона оказалась прозрачной. На следующий день краски ее стали блекнуть, растворяться, и когда отслужили молебен, образ истаял совсем, хотя видевшие его прежде все еще улавливали в воде легкие, едва различимые контуры. И теперь зачаровывают солнечные змейки, живые тени и переливы бликов, рожденные светом и упругим падением струи. Каких видений удостоит еще золотистый ассист в зеленоватой купели?

Бусина двенадцатая.

Зима

Зимой матушка Неонилла запряжет в сани выхоленных ею лошадок, и поедут сестры на Чудское озеро за льдом, за крещенской водой...

По ночам при ясном небе звезды совсем близко от вершины Святой горы. И лишь одной из сестер, той, которой доверено охранять сон насельниц обители, дано видеть, как сияет снег на поленницах, напоминающих крепостные башни, — в монастыре их называют «стожками». Матушка и тут не ошиблась в выборе послушания: ночные бдения не в тягость, а в радость готовящейся к постригу послушнице Лидии.

День в обители начинается рано. В густом мраке зимнего утра зазвучат удары колокола, и в собор, освещенный лишь огоньками лампад и свечей, соберутся на полунощницу сестры и паломники, а над главным алтарем, как бы отделившись от стены, воспарит небесно-голубое изображение Богородицы, явившейся апостолам со словами: «Радуйтесь, яко с вами есмь во вся дни».

Федор Александрович Евдокимов

До свидания, монорельс!

Немного ностальгии

О существовании монорельса я знал, будучи еще школьником, поскольку живо интересовался техническими новинками и собирал вырезки из журналов «Техника — молодежи» и «Юный техник» в отдельную папку. С черно-белых фотографий смотрели на меня фантастической формы монорельсовые составы...

Шло время. Я окончил школу, институт. «Технарем» по профессии не стал, но детские воспоминания о чудо-поезде на одном несущем рельсе сохранил. И они враз ожили во мне, когда появилось со-

общение об открытии Московской монорельсовой дороги.

На протяжении всего XX века в нашей стране пытались создать монорельс. В Советском Союзе даже было сооружено несколько экспериментальных моделей, начались испытания, но довести дело до конца так и не удалось. Только в начале века XXI москвичи и гости столицы смогли прокатиться на невиданном доселе поезде. 20 ноября 2004 года Московский монорельс принял первых пассажиров. Режим его работы объявили

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

«экскурсионным» — по сути, шла отладка и обкатка: постепенно вводились новые станции, совершенствовались навыки обслуживающего персонала; «новорожденный» готовился перейти в промышленную эксплуатацию, то есть стать полноценным московским перевозчиком.

В первый же год работы монорельса мы всей семьей совершили прогулку по этому впечатляющему техническому сооружению. Да, билеты тогда стоили «как чугунный мост», то есть были весьма обременительны для нашего семейного бюджета, но не отказываться же из финансовых соображений от возможности узреть чудо!

Вместе с супругой и старшим сыном — учеником начальных классов школы — я проехался по всей трассе, погулял по станциям, полюбовался с высоты на родной город. Причем, судя по поведению, взглядам, обрывкам фраз других пассажиров, мы оказались далеко не единственными «экскурсантами». Очевидно, большинство наших попутчиков тоже явились сюда с чисто «экскурсионными» целями — не столько воспользоваться новым способом передвижения по прямому назначению, сколько просто опробовать его. У меня, жены и сына после этого сеанса катания на Московском монорельсе еще долго оставалось светлое радостное чувство.

Совсем недавно в одной газетной заметке промелькнула информация, что часть монорельсовой дороги разберут, а часть закроют на реконструкцию, сроки окончания которой пока не определены. Это означало только одно — надо успеть...

И вот уже с младшим сыном мы мчимся на ВДНХ, чтобы увидеть удивительное «ту-ту», проносящееся над столицей. Сейчас на Московской монорельсовой транспортной системе увеличили количество составов, сократили интервалы движения поездов, так что мы спокойно и вдоволь покатались в разные стороны, погуляли по платформам, посидели на лавочках, поглядели по сторонам. Удивление и восторг легко читался в глазах маленького москвича. А вот мне сделалось несколько грустно...

Тяжело было сравнивать первую и последнюю встречу с монорельсом. Я лелеял в памяти давнюю волшебную «экскурсию», но сегодня волшебство растворилось в будничном потоке жизни, унеслось им. Уже не наблюдалось у окружающих тех восторженных взглядов, уже почти никто не фотографировал, не любовался видами из вагонного окна... Монорельс, увы, больше не чудо, а обыденность.

Но ведь, утешал я себя, и метро когда-то представлялось чудом, а ныне москвичи пользуются им, ни о чем подобном не за-

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

думываясь. Редко-редко кто-то остановится в толпе и задерет голову, чтобы рассмотреть красочное панно на потолке, или хотя бы на секунду замрет перед скульптурой, мозаикой, затейливой мраморной резьбой; мало кого поражает неповторимая красота станций, конструктивная уникальность сводов, прихотливые перспективы колоннад. Свыклись...

С другой стороны, метро есть во многих наших городах, а монорельс — пока только в столице. Конечно, радуется, что он «влился» в сложную сеть общественного транспорта. Хорошо, что стоимость проезда приравнена к таковой в метрополитене. Замечательно, что расплатиться теперь за пользование любым видом транспорта можно единым проездным билетом или картой «Тройка». Но ощущение сказки испарилось. А вот продавайся билеты пусть и дороже, но именно на монорельс — особые, красочные, обещающие чудо, лично я такой билет обязательно купил бы, и впоследствии он напоминал бы моему младшенькому о случившемся когда-то давно — нет, не рутинном перемещении из пункта А в пункт Б, а о волшебном путешествии...

Фотографии выполнены автором в 2005 и 2015 годах.

Федор Михайлович Каменский

Блокадный дневник

Записки жителя осажденного Ленинграда

Вместо предисловия

Живущий в Санкт-Петербурге Федор Михайлович Каменский ознакомил меня с дневником своего деда — Федора Михайловича Каменского (1887–1942; дед и внук — полные тезки) — и любезно согласился на публикацию этого волнующего «человеческого документа».

Автор дневника, коренной петербуржец, родился в семье потомственных дворян. Его отец, Михаил Федорович Каменский (1850–1922), выпускник Императорской академии художеств, замечательный живописец-акварелист, тонкий знаток искусств и блестящий педагог, преподавал в Центральном училище технического рисования барона А.Л. Штиглица (ныне — Санкт-Петербургская Государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица); позже (1902) основал художественно-промышленную школу в Екатеринбурге (сейчас — Екатеринбургское художественное училище имени И.Д. Шадра). М.Ф. Каменский приходился родным братом известному скульптору академику Федору Федоровичу Каменскому (1836–1913). Одна из самых известных работ последнего — «Маленький скульптор» (для которой, кстати, позировал десятилетний Михаил) — экспонируется в Русском музее.

Интересно заметить, что род Каменских представлен (правда, уже по иной, соседней линии) и другим скульптором — Павлом Павловичем Каменским (1858–1922). В 1907–1914 годах по заказу Императорского фарфорового завода, инициированному лично государем Николаем II, П.П. Каменский создал около 150 моделей для уникальной серии скульптурных фигурок «Народности России»; большая часть этих фигурок хранится в Государственном Эрмитаже¹.

Мать Федора Михайловича — Алевтина Яковлевна Каменская (1851–1922), в первом браке Огранович, урожденная Шелудякова, — происходила из уральских казаков. В Петербурге она получила музыкальное образование, была пианисткой; занималась также акварельной живописью, участвовала в выставках.

Ф.М. Каменский первоначально избрал профессию юриста, поступив на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, по окончании которого был в 1914 году оставлен при кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию. Несмотря на интенсивную и успешную работу в университете, в 1927–1928 годах Федор Михайлович по не зависящим от него обстоятельствам оттуда ушел. Работал учителем истории в средней школе, параллельно окончил вечернее отделение физико-математического факультета Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена (1930), преподавал математику в Полиграфическом техникуме, на курсах при Академии художеств и в Институте холодильной промышленности.

Жена Федора Михайловича — Вера Николаевна Каменская (1886–1968), урожденная Раевская, — в 1912 году окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы, всю жизнь трудилась на педагогической ниве, удостоилась ордена Ленина (1947).

С 1914 года Ф.М. и В.Н. Каменские жили в «Сказке» — так за своеобразную архитектуру назывался дом № 21 по Английскому проспекту (№ 60 по улице Декабристов).

Текст дневника печатается с минимальной редакторской правкой; немногие неясные места, существенной смысловой роли, впрочем, не играющие, опущены.

17.10.41

Вечером был с Верочкой² у матери товарища Колички³ по полку. После ее рассказа о том, что было с полком после 26 сентября, у меня больше нет надежды, что наш Колечка жив. Все самые мрачные мои предположения сбылись, все опасения превратились почти в полную уверенность. Он родился под несчастливой звездой, он не мог выбраться из этого ада.

13.11.41

Опять вчера с Верочкой был у Покромович⁴. Она со слов сына, которого ей удалось повидать, рассказала ужасные подробности судьбы полка, в котором находился Количка. Немцы подошли с тыла, со стороны Стрельны, откуда их не ждали. <...> Полк разгромлен, осталось будто бы человек 50. Бои шли 4 дня. Шел и артиллерийский обстрел и с аэропланов.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЭПОХИ

Фотографии из архива Ф.М. Каменского-внука

*Николай Каменский.
Около 1940-х годов*

*Федор Михайлович Каменский.
1930-е годы*

Семья Каменских на даче под Уральском. В центре: Алевтина Яковлевна Каменская с дочерьми; слева: Софья Оболдуева с девочкой на коленях; справа: Вера Михайловна Догадова с Юрием (?), сыном Т.А. Оболдуева; внизу Наталья Михайловна Каменская; в дверном проеме — Борис Михайлович Каменский; слева: Вера Николаевна Каменская (урожденная Раевская), М.Ф. Каменский, Федор Михайлович Каменский; справа: Т.А. Оболдуев (в мундире горного инженера), за ним — В.М. Догадов; справа от них — Александра, сестра В.Н. Каменской. Около 1917 года

Вера Николаевна Каменская. 1936 год

Уцелевшие рассказывают, что они спаслись чудом. Большинство попало в плен, кто отстреливался, тот погиб, по словам этого юноши, немцы сопротивляющихся не щадили...

26.11.41

Странное чувство меня сковывает (и также мою жену). Мы не энергичны, мы не сделали всего того, что можно было бы сделать, чтобы выяснить все, что было и есть с Количкой. Или убит или в плену, что почти равносильно первому, если знать его характер: гордый, независимый. Третье — неисправность почты, может быть, запрет писать с фронта, может быть, невозможность писать — почти исключается. И именно за это «почти» мы и держимся. Тая надежды, надежды на «чудо», вопреки доводам разума. Поэтому я не могу заставить себя пойти в штаб, откуда можно получить два вида ответа: или «при исполнении своего воинского долга убит, оставаясь верен присяге», или «пропал без вести». Мне известны случаи, когда эти официальные справки оказывались неверными. Что могут изменить они в нашей душе? Прибавить еще тяжести на наше сердце, которое и без того болит так, что кажется, что дальнейшего усиления тяжести оно не вынесет. Убьют ли эти официальные справки в нас чувство надежды?! Нет и нет. Я почти не говорю с Верочкой о Количке: это так тяжело, так больно, в особенности для нее, хотя и очень мужественной женщины, но склонной все видеть в черном свете.

*Ф.М. Каменский
за мольбертом.
Конец
1920-х годов*

И все-таки, если эта последняя надежда рухнет, мне кажется, она перенесет это горе лучше, чем я, перенеся всю свою любовь и материнскую привязанность на Мишеньку⁵. Я не представляю себе жизнь без Колички — моего дорогого, милого мечтателя-художника, неуравновешенного, «ершистого», но бесконечно близкого мне друга-идеалиста. Мишенька хороший мальчик, я его очень люблю, и во многом он очень походит на меня. Но он — не Количка, в Количке больше общих — и хороших, и дурных — черт со мной. Я плохо и очень мало сплю, физическое утомление и истощение всех сил погружает меня в сон, убив постоянно живущую во мне мысль о Количке и бесконечную боль и скорбь не сердце.

28.11.41

Третьего дня вечером во время дежурства узнал, что наш техникум⁶ ликвидируется. Из Москвы получена телеграмма, противоречивая по содержанию, на имя директора. Приблизительно такого содержания: «Занятия со студентами 1 и 2 курса временно прекратите. Ускорьте выпуск 4 курса. Организуйте ликвидационную комиссию». На ликвидацию определена некоторая сумма (10 тысяч). Первая фраза как будто предполагает, что техникум по миновании чрезвычайных обстоятельств должен существовать дальше, ликвидационная комиссия предполагает окончательное прекращение деятельности учреждения. Наш замдиректора (Четырка) хочет покорно исполнить волю начальства... Ликвидировать учреждение и самому отойти в сторону. Но распоряжение начальства исполнить в точности нельзя таким образом, поскольку занятия с младшими курсами надо прекратить временно. Мы советуем ему через местное начальство и партийные органы возбудить вопрос о консервации учреждения; жаль оборудование (машины), жаль исключительно хорошо подобранную библиотеку, жаль налаженную работу, хороший сработавшийся коллектив. Директор колеблется. Но нам, преподавателям младших курсов, в том числе и мне, уже объявлено под расписку, что с 11 декабря мы свободны. Передо мной стоит вопрос о безработице, карточке иждивенца (3 категория)⁷, и снова поворот жизни. Снова возбуждается вопрос о возврате к юриспруденции,

с одной стороны, или же вопрос о том, чтобы задержаться временно на любой работе, хотя бы ночного сторожа, и продолжать математическую линию. У меня нет еще внутреннего окончательного решения, куда держать курс; я пока начал предпринимать шаги и в том и в другом направлении, поскольку это возможно теперь при длительных воздушных тревогах и обстреле города.

8.12.41

Опять суточное дежурство. Оно с каждым разом становится все тяжелее и тяжелее. Помещение не отапливается, стыннут пальцы, замерзают ноги, все меньше и меньше можно принести с собой что-нибудь поесть, сахару нет, а он поддерживает силы. Сильные морозы, метели. Идет обстрел города, дрожат стекла при каждом выстреле. Где-то жужжит аэроплан, наш ли, немецкий — не знаю. Третьего дня уехал вместе со своим учителем Мишенька. Простился с ним еще 5.12, при прощании был в каком-то отупелом состоянии. Надо было бы многое ему сказать, а сказал только, чтобы берег семейную честь и несколько малозначащих ласковых слов. Верочке посчастливилось видеть его еще на следующее утро на вокзале. Милый мальчик! Хорошо, что среди его начальства, кажется, есть симпатичные люди. Путь ему предстоит нелегкий, 350 км пешком, причем 3 дня без горячей пищи. Переход через Ладожское озеро (губу) особенно тяжел: ветер, мороз и опасность воздушного нападения. Кто знает, может быть, виделись в последний раз, а я так с ним простился. Замечаю, что от недоедания и недосыпания, холода как-то чувства стали бледнее, более вялые. Но надо держаться. Кругом и так много малодушных людей. Я же сам их все время корил. Если подумать, что приходится выносить нашим бойцам, то все наши бедствия — недоедание, недосыпание, холод и опасность от налетов и обстрелов — кажутся ничтожными. Наша родина сейчас дороже всего, ради нее все надо перенести. Некоторые люди радуют своим внутренним мужеством. Вчера был у проф. Кондратьева⁸. Ему много за 60 лет. Работает, как вол. И всю жизнь так работает, тащит и свою и чужие семьи на собственном горбу. Старшая дочь у него гибнет от туберкулеза, живет с какой-то старушкой, она так беспо-

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЭПОХИ

В блокадном Ленинграде

мощна, что часто не имеет сил, чтобы достать то, что им полагается по карточкам. Он в выходной день ходил к ним, пилил дрова и дежурил за хлебом и за конфетами и за пивом. Хороший человек он, и умница. Я просил его устроить меня на какое-нибудь место, чтобы не быть безработным. Мне все равно какое, лишь бы не было связано с поднятием больших тяжестей, что не могу делать из-за сердца. Немного физического труда — это даже неплохо. Я каждый день перепиливаю четыре плахи березовых дров, вместо отдыха при свете коптилок повторяю французскую грамматику и синтаксис. По утрам обтираюсь, несмотря на холод, до пояса холодной водой. Я чувствую, что все это меня укрепляет морально, душевно и физически. У нас ночует и проводит много времени семья Догадов⁹ и Оболдуевы¹⁰, у них после обстрела выбиты окна. Вчера снова видел современные похороны. На саночках везут досчатый гроб. Люди идут с деловитым видом, как будто дрова перевозят. Может быть, так и нужно. Нет ни торжественности, ни видимой скорби. Ведь смерть проста... Но Количка, Количка!.. Все время думаю о нем: и днем и ночью...

16.12.41

Прошла еще неделя. Много событий общественного и личного порядка, много впечатлений, мыслей и решений. В военном положении теперь уже для всех заметен поворот в пользу России. Вслед за крупной победой Красной Армии под Ростовом последовал разгром немцев под Тихвином и, наконец, что самое важное, победа под Москвой, немцев отгоняют от Москвы во всех направлениях. Все газеты полны выдержек из иностранных газет, отмечающих поворот событий на Восточном фронте и о провале планов Гитлера.

18.12.41

Не удается дописать, помешали... В квартире у нас, в трех маленьких комнатах, ютятся, кроме нас, три семьи: Равевские¹¹ (у них во второй половине нашей квартиры испорчен дымоход, нельзя топить), Догадовы и Оболдуевы — у них выбиты все окна и даже вырваны рамы и фрамуги от разорвавшегося около самого дома снаряда. Температура была ниже нуля, после того, как заколотили окна фанерой и стали топить, температура под-

нимается до 2–3 градусов выше нуля; обе эти семьи должны вылететь на аэроплане [в эвакуацию] в ближайшие дни. Мужья как профессора получают командировки, а их иждивенцы эвакуируются потом, в январе и позже. Немцы систематически обстреливают Неву выше моста Лейтенанта Шмидта, а снаряды сыплются на примыкающие районы, в том числе на наш, масса жертв, люди стоят в очередях и не соблюдают необходимую осторожность, голод стал сильнее страха.

21.12.41

Очень трудно вести даже самые элементарные занятия; в доме так много людей, так много разговоров и неизбежных при такой тесноте пререканий, и столько хозяйственных забот (по уборке, заготовке дров, забот о воде и свете), что не остается времени на что-либо другое. Сегодня наконец вынесли из кухни нашу покойницу, нашу бывшую домработницу, которая умерла от истощения. Мы ей помогали как могли из нашего скудного пайка, но слабый организм, не поддержанный силой духа, не вытерпел голодовки. Она заснула и не проснулась. На кухне она пролежала на своем ложе 6 дней. Можно было бы написать о ней, о ее незатейливой жизни рассказ в духе Мопассана. Вчера был в Юридическом институте. Жизнь моя снова ломается. Я возвращаюсь на старую юридическую дорогу. Временно иду на дисквалификацию — хочу занять должность старшего лаборанта с тем, чтобы добиться потом старого своего положения. Для этого придется написать работу, чтобы получить звание кандидата юридических наук, а потом, если сил хватит, написать и докторскую диссертацию. Директор института Годес Б. Абр.¹² принял меня благосклонно, и моя старая знакомая, И.И. Рабинович, заведующая теперь кафедрой уголовного права, встретила меня дружелюбно. На обратном пути встретил своего старого ученика по Юридическому институту, бывшего директора института, а ныне председателя областного суда Л.П. Шишина. Он приглашал меня к себе за материалами для ознакомления с судебной практикой последних лет. Обязательно воспользуюсь его приглашением. Просил, чтобы я приходил к нему запросто в суд: по моей записке в любую минуту он меня примет. Был очень любезен. Завтра в 7 часов пойду на квартиру к И.И. Рабинович.

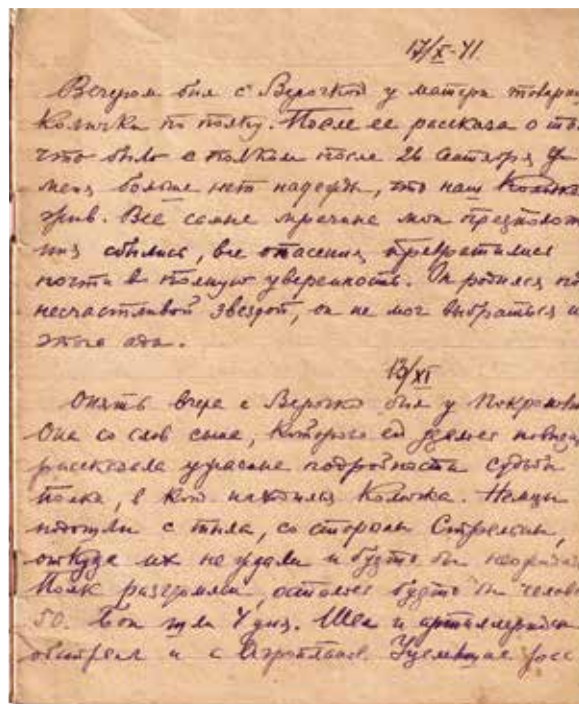
27.12.41

Был в квартире у И.И. Рабинович. В квартире у нее по-прежнему чисто, свет и тепло. Имеется все та же превосходная домработница, которая создает ей хорошие бытовые условия. И.И. умна и спокойна, но, удивительное дело, все, о чем бы мы ни говорили, — а говорили мы и о текущих вопросах нашей современности, и о положении в юридическом образовании, и о судьбе Ленинградского юридического института, и о том, на что я могу рассчитывать, возвращаясь к криминалистике, — сразу приобретало в ее устах тот практичный характер, который ей так свойственен. Ко всему решительно она подходит с точки зрения личных эгоистических интересов, причем интересов материального свойства. Наукой она никогда не горела, смотрела на нее лишь как на такое дело, которое создает для нее известное положение в обществе. К моим планам отнеслась благожелательно, но очень мрачно смотрит на судьбу юридического образования в СССР после войны и, в частности, на положение Юридического института. Остальная неделя прошла в хозяйственных заботах. Жить в такой тесноте, как наша, нелегко. Подал заявление в Юридический институт о предоставлении мне места старшего лаборанта. Послал все бумаги сегодня через Василия Михайловича¹³. Плохо, что физические силы падают; отсутствие жиров и физическая работа (пилка дров, заготовка воды, уборка посуды и комнат и т. п.) сказались, по-видимому, на сердце. Все это приходится делать очень быстро. Но когда посмотришь на окружающих, видишь, что я по сравнению с ними еще в хорошем состоянии. Плох Тихон¹⁴. Отощал, да и какой-то психический шок у него. Вчера вызывали к нему доктора, [эвакуацию], хотя на аэроплане, в ближайшее время не советует.

27.12.41

Еще одна ужасная смерть. Умер Алик Оболдуев (27 лет)¹⁵ от истощения, сегодня в 3 часа дня. Вчера он несколько раз падал на улице, ходил он очень много, делал многокилометровые переходы, чтобы добраться до работы (завод «Большевик»). Вечером был очень плох, но остался в пустой квартире. Наташа и Верочка¹⁶ вечером ходили к ним, натопили печь, уходя напоили горячим, накормили, укрыли тепло, уложив спать. Ночью он пытался встать

зачем-то. Утром его нашли свалившимся с дивана. Брат Юрочка¹⁷ с женой Катей и Наташа старались привести его в чувство, согреть. Вызвали скорую помощь, но поздно. Наташа бегала в ближайшую больницу на Большую Подъяческую, умоляла его взять. Но там застала всех врачей во главе с главврачом сидящими в одной комнатке в шубах и в шапках. «Мы, — сказал ей главврач, — беспомощны. Мы — без воды, без тепла, без света. Ни одной операции мы не совершаем. Пусть лучше умрет в домашней обстановке, а не у нас». Тихон очень плакал. Да, умирает, главным образом, молодежь, она физически сильнее нас, стариков, но менее практична, она не чувствует той границы, где действительно начинается опасность для жизни. И Алик, бедный, делал много глупостей и растерялся перед трудностями нашей ужасно тяжелой жизни. И не было у него внутреннего мужества, внутренней силы, которые могли бы противостоять голоду, холоду и другим тягостным условиям нашей жизни.

01.01.42

Вот и Новый год наступил. Мы встретили его в нашей семье пивом. Тихон произнес маленькую речь и высказал пожелание, чтобы к 1 мая Ленинград окончательно был освобожден. Затем он предложил два тоста: 1) за Красную Армию; 2) за «замечательного стратега», предвидшего события, — т. Сталина. Легли

рано. <...> Но ночью, когда Тихон улегся, затаенное в душе каждого из нас прорвалось. Плача, он попросил Верочку (мою жену) и меня поцеловать его. Он уже наверняка потерял сына (Алика), а мы еще цепляемся за надежду. Но эта боль душевная, которая и его, и нас тяготит так сильно, связала нас и сделала очень близкими друг другу. Сегодня утром услышали по радио радостную весть — взята обратно Калуга. Мы приветствовали ее, лежа в постели, криком «браво». Потом, как всегда, разговоры практического порядка о необходимых шагах по раздобыванию пищи, вызывающие раздражение, и другие заботы в связи с погребением Алика. Как это теперь сложно (раздобыть гроб, найти могильщиков для рытья могил и т. д.). Тихон и Наташа поцапались очень сильно. Я их мирил. Они любят друг друга, но оба несдержанные, в особенности Тихон. Умиротворение наступило так же быстро, как и раздражение. Почти весь день прошел в уборке квартиры. Никуда не выходил. Попутно хорошо поговорил с Шурой и Зинаидой Николаевной (сестрами жены) об их взаимоотношениях. Они, кажется, поняли, что при большой привязанности друг к другу портят себе и окружающим жизнь своей неуступчивостью. И, наконец, ночью немножко начал заниматься уголовным правом, изучал учебник общей юрисдикции. Важно начало, а там дело пойдет. Сейчас еще немножко почитаю для души и лягу спать, завтра рано вставать.

05.01.42

Чувствую себя неважно, слабость в ногах, боюсь морозов, хотя сегодня, говорят, погода мягкая. Поражаюсь мужеству людей, меня окружающих: все мучаются от голода, но стараются поддерживать друг друга, отказываясь от своих крох еды в пользу другу. Сколько любви в людях и самопожертвования. А голод в городе ужасный. Я никуда не выхожу из дома третий или четвертый день, но слушаю рассказы тех, кто бывает на службе или по делам в городе. Говорят, что с начала войны Ленинград потерял 1,5 миллиона своего населения скончавшимися от истощения. Не преувеличено ли это? Другие утверждают, что в Ленинграде ежедневно умирает 7,5 тысяч человек. Это, пожалуй, ближе к истине. Всякий раз, когда бываешь на службе, узнаешь, что тот или иной сотруд-

ник умер. Умер академик Жебелов¹⁸ (папин товарищ), может быть, просто от старости? Умер известный преподаватель литературы Краснов. У нас в Полиграфическом техникуме также умерло несколько человек. Многие очень ослабели или попали в больницу. Ал. Ник. Ковальский¹⁹ очень плох и лежит <...> в больнице для нервных больных. Доктора говорят: если подкормите, выздоровеет. А чем подкормить? Жена его, мужественная женщина Елена Николаевна, урожденная Гриневич, выбивается из сил, чтобы спасти мужа и отца своего единственного сына. Но он всегда был слаб духом, пессимист и материалист, а такие люди теперь оказались гораздо слабее идеалистов в борьбе с голодом. По городу циркулируют слухи, что т. Сталин дал распоряжение прорвать блокаду во что бы то ни стало, взять любой ценой Мгу²⁰, в которой немцы сейчас укрепились. Говорят также, будто бы т. Сталин сказал, что ленинградцы пострадали от войны больше всех и после прорыва блокады должны быть вознаграждены, обеспечены продовольствием, хотя бы за счет других городов. Не знаю, насколько все это верно, но сейчас очень трудно. В кооперативах по карточкам за эту декаду выдач никаких нет и даже нормы не объявлены. Люди власть имущие говорят об облегчении положения не раньше, как через 5–6 дней. Алик Оболдуев до сих пор не похоронен. Целую неделю потратили на то, чтобы достать гроб, транспорт для перевозки тела на кладбище, людей для того, чтобы вырыть могилу. За каждый шаг просят хлеба, а откуда его возьмешь? Наташа (сестра) выбивается из сил в этих хлопотах. Трамваев нет, она ходит всюду пешком, делая огромные концы. Мужественная женщина. А тут еще тревога за больного мужа. Юрочка Оболдуев сам в этих хлопотах протянул ноги; у него тоже нет внутренней сопротивляемости, нет ни силы характера, ни того внутреннего огня, которые есть у нас, более старшего поколения. Хотел сегодня еще позаниматься уголовным правом, но не могу. Надо ложиться, немного ноет сердце. Завтра постараюсь записать те мысли о ценности молчания и разумного слова (сопоставить их), которые пришли мне сегодня в голову в связи с маленькими стычками у меня в квартире, которые происходят между окружающими меня родственниками на почве тесноты, усталости физической и нервной.

*Ф.М. Каменский. Фотография 1940 года.
Из архива Ф.М. Каменского-внука*

07.01.42

Вчера был на Андреевском рынке мимоходом по дороге в техникум. Какая перемена за период с 31.12.41, когда я был в нем в последний раз! Ничего уже за деньги купить нельзя. С трудом купил для наших отъезжающих свечи в дорогу (парафиновую толстую для Догадовых за 25 рублей, тогда как неделю тому назад я заплатил за такую же 15 рублей, и две маленькие желтые (сальные?) для Оболдуевых по 20 рублей). Искал спички за деньги, не нашел; говорят, еще можно их купить по 5–6 рублей за коробок. Рынок разросся, но исключительно меновая торговля. За все требуют или хлеб или табак. Табак и папиросы стали монетой, за деньги их не продают. В техникуме узнал еще об одной смерти, умер заведующий переплетным цехом, старый мастер. Народ стал еще слабее и заметно пал духом от голода. Верочка²¹ почти целый день лежала, чувствуя себя очень плохо. Она прямо заговорила о смерти, надвигающейся на нее от недоедания и слабости. Все всполошились, стали думать об экстренных мерах для поддержания ее сил. Вчера был особенно тяжелый день в смысле получения продуктов. Нигде ничего, в столовой дали только жидкий суп из силоса. Сегодня ей лучше, поддерживали ее кто чем мог. Но общее положение, по словам ответственных лиц за питание, остается чрезвычайно тяжелым, продук-

тов нет. Детские елки, на которых обещали ребятам хорошее угощение, фактически не удалось: старшие дети недовольны, у младших, говорят, угощение было лучше. Сегодня почти весь день ушел на уборку, дрова и заправку светильников (коптилок). Вечером хотел учить уголовное право. Алик Оболдуев с 27.12.41 до сих пор не похоронен. Наташа²² совсем измучилась, бегая по общественным учреждениям и организациям в хлопотах о похоронах. Рассказывала душераздирающие подробности о людях, которые должны хоронить близких людей (сами сколачивают гробы, сами на санках волокут своих покойников на кладбище в гробах и без них). Многие хоронят своих покойников в братских могилах. Оболдуевы дошли до предела: они согласны на все, в том числе и на братскую могилу, лишь бы похоронить завтра или послезавтра.

10.01.42

Похоронили наконец бедного Алика. Я не был на похоронах. Вчера мне было плохо, сильно ослабело сердце, был все время от слабости в каком-то полусне. Меня заставили лечь очень рано, и Верочка (жена) всеми средствами, оставшимися у нее продуктовыми запасами старалась поддержать мои силы. С меня взяли слово, чтобы я не сопровождал гроб с телом Алика на Смоленское кладбище (вернее, на Гутуевский остров). Да я и сам сегодня почувствовал, что не могу этого сделать. 25-градусный мороз действует на меня удручающе. Я даже опоздал на вынос. Тихон и Наташа хоронили вместе с 4-мя студентами из Горного института. Его хоронили без гроба, так как окоченевшая рука не вмещалась в гроб, получение которого стоило столько сил и здоровья всех родственников и Наташи в особенности. Вернулись Наташа с Тихоном в шестом часу в сопровождении одного из студентов. Вечер попозже провели очень хорошо. Я прочел вслух несколько глубоких изречений Марка Аврелия, Эпикура и Сенеки. Из Сенеки прочел только к Люцилию (IX) о ценности старости. Красиво и глубоко. Всем очень понравилось. Наташа рассказывала, что видела много тяжелого, что вместе со студентом постаралась скрыть, чтобы не расстраивать Тихона. Студент говорит, статистика показала, что 40% жителей Ленинграда вымерло с начала войны. Думаю, что это сильно преувеличено, но смертность, очевидно, очень большая.

13.01.42

Вчера была Евгения Николаевна Равич-Щербо (урожденная Гриневиц), сообщила о смерти мужа своей сестры Алекс. Ник. Ковальского, способного инженера, представителя двух технических вузов. Он умер 9.01.42 в больнице для нервных больных (15 линия) от истощения и какого-то психологического заболевания на этой почве. Завтра его хоронят, но никто из нас — его ближайших родственников, или вернее, свойственников — не смогут пойти, чтобы помочь и выразить сочувствие бедной его жене Елене Николаевне, которую мы все так любим и уважаем, из-за морозов (свыше 30 градусов) и, главное, из-за того, что более крепкие из нас — Верочка (моя жена) и Наташа — на службе, а остальные настолько ослабели и чувствуют себя так плохо, что не решаются на такие длительные путешествия. Трамваев ведь нет. Смерть начала косить уже около нас, ряды близких нам людей. Меня эти новости страшно поразили. Хотя Ал. Ник. при своем уме практического уклона был приспособлен к жизни (он умел в жизни устраивать свои практические дела), но страдал пессимизмом, все всегда воспринимал с черной стороны и был мнителен до крайности. Самовнушение и самогипноз тут, несомненно, сыграли свою роль, но основная причина — голод. Во время рассказа Евг. Ник. я внезапно почувствовал себя настолько плохо, что должен был лечь. Потом мне давали сердечные капли, и я долго лежал. Сегодня Наташа видела, как молодая женщина упала на улице от истощения. Совсем подошла близко смерть. Ужасно! Передавали по радио выступление председателя Ленисполкома Пайкова, обещает улучшение продовольственного положения в Ленинграде в ближайшие дни. Если этого не будет, то смертность примет гигантские размеры.

15.01.42

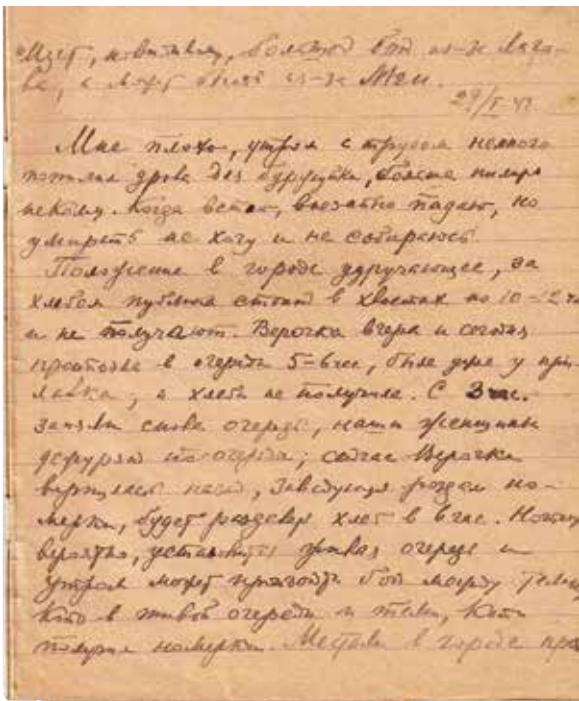
В городе начались большие и частые пожары. Вчера сгорел Гостиный двор, фасад его по Невскому проспекту. Сегодня большой пожар по бывшему Перинному переулку (ныне переулок Матвеева). Горит бывшая немецкая средняя школа (реформатское училище). Сейчас там устроен госпиталь смешанного типа, полувоенного и полугражданского, кроме бойцов, там и дети. Больных и раненых бойцов еще до прибытия пожарных

спешно выносили на улицу, а на улице свыше 25 градусов мороза. Основная причина этих пожаров — буржуйки и лучины, которыми освещается население за отсутствием другого света. Обо всем этом мне рассказывают наши домашние, а я по-прежнему никуда не выхожу. Чувствую себя инвалидом, утром и в первую половину дня сильно кружилась голова. Тьма и отсутствие освещения очень угнетают. Наша маленькая коммуна все более и более нервничает. Люди, любящие друг друга, сильно нервничают, ругаются и даже кричат друг на друга. Основная причина — голод. В кооперативах почти ничего не выдают уже вторую декаду. Впрочем, сегодня во многих кооперативах начали выдавать муку, в некоторых выдавали даже пшеничную, но в большинстве случаев давали так называемую кокосовую, даже не белую, а черную муку. Сестра попробовала такую муку, оказалось, что из нее можно печь лепешки вкусные, а главное, сытные. Стоит как-нибудь подробно описать обычный день нашей маленькой коммуны с ее мелочами, которые иногда принимали трагический характер. Но сегодня некогда, поздно, надо ложиться спать. В другой раз. Я стараюсь сохранить спокойствие и быть молчаливым. Но, откровенно говоря, мне это плохо удается. Стараюсь заниматься уголовным правом, но времени на это остается очень мало, больше 10 страниц трудно прочесть. Вас. Мих. Догадова вчера удалось, наконец, положить в стационар в Асторию, где его подкармливают. Он доволен и старается кое-что из еды уделить для семьи. У нас с уходом его из дома стало спокойнее и больше порядка, уж очень он неловок, забывчив, беспорядочен в практической жизни и неряшлив.

16.01.42

В городе продолжают крупными пожарами. Горел большой жилой дом на пр. Добролюбова, синагога на Лабораторном проспекте. Тушение их затруднялось тем, что в большинстве случаев в доме отсутствовала вода. Поговаривают, что причиной их является не только усиленная топка посредством времянок, установленных без соблюдения противопожарных правил, но и диверсионные акты. Я еще не выхожу, но чувствую себя лучше. Питаюсь теми слухами, наблюдениями и рассказами, которые мне передают мои родственники, газетны-

ми сведениями, которые приходят чрезвычайно неисправно, и радио, которое далеко не всегда действует. Радио было с утра до вечера, «Ленинградская правда» пришла за три дня — от 11.01, 13.01 и 14.01. Наиболее интересные статьи я читал вслух после обеда родственникам. День прошел, как всегда, в хозяйственных заботах, вечером и ночью занимался уголовным правом лучше, чем в предыдущий день.

20.01.42

Город продолжает голодать, хотя и заметны кое-какие улучшения в продовольственном снабжении населения. Выдали немного крупы (200 гр.) и муки (200 гр.), в большинстве кооперативов так называемая маисовая (белая или черная). Но у всех на уме только прибавка хлеба. Упорно верят, что завтра, 21.01, или послезавтра будет прибавка хлеба, поэтому сегодня воздерживались очень многие от получения хлеба на завтра. Умирает народу очень много. Много умирает среди знакомых. Вчера узнал, что умер брат известного архитектора тоже от истощения. Он был старше меня лет на 5, знал я его с детства. Вымирает главным образом мужское население. Говорят, Ленинград потерял 40% или 50% своего населения; будто бы именно за счет умерших пока что и сделали небольшую прибавку к хлебному пайку. Блокада еще не прорвана; весь вопрос в освобождении

Северной дороги, точнее, станции Мга, где крепко засели немцы. Рассказывают, что она уже окружена со всех сторон и что всякие попытки со стороны немцев поддержать ее присылкой подкрепления и продовольствия пресекаются. Наши не хотят брать в лоб, чтобы не было много жертв, и заняты теперь подвозом ко Мге тяжелых орудий. Что из рассказов верно и что не верно — трудно сказать. По наблюдению врачей, из мужчин в первую голову вымирают алкоголики, потом вообще менее упитанные. Большая смертность также среди студентов мужского пола. Девушки голод переносят гораздо лучше. Даже среди мальчиков зарегистрировано много смертных случаев. Хоронят попросту, без гробов, завернув в кусок материи или одеяла, откинув все предрассудки. Пожары все продолжают. В госпитале в переулке имени Матвеева (бывшем Тюремном) много больных задохнулось от дыма, не успели выйти. Я стараюсь заниматься как можно больше уголовным правом, но часто прочесть больше 12–16 страниц мне не удается из-за бытовых условий: много приходится исполнять разных хозяйственных работ. Керосин кончается, достать можно только в обмен на хлеб и на папиросы. Ни того, ни другого нет. Чувствую себя сегодня хотя и получше, но в общем упадок сил, несмотря на все заботы обо мне Верочки, налицо. Бывают дни, когда сильно кружится голова и в ушах шумит. Сейчас тоже надо ложиться скорее спать, т. к. сердце в ненадежном состоянии.

26.01.42

Вчера в нашем районе, а может быть, во всем Ленинграде перестал действовать водопровод. Жители берут воду из Невы, Фонтанки, из каналов. Нам приходится брать воду из Пряжки, из проруби. К счастью, соседняя баня, откуда бежала грязная вода, не действует, что уменьшает загрязненность воды. Уборные везде уже давно не действуют. <...> Эта тяжелая обязанность по водяной повинности опять упала на наших женщин, я как работник вышел из строя. У меня на шее нарыв, из маленького прыщика разыгрался основательный фурункул, завязана шея и частично голова. Плохо стою на ногах, часто кружится голова, шея болит, плохо сплю. Сейчас пришла из школы Верочка (жена), там вода была

(но вчера ее там не было), оказывается, было дано распоряжение, чтобы во всех столовых была организована работа по доставке воды, чтобы жители были обеспечены лишней тарелкой супа. Вторых блюд почти ни в одной столовой нет, за исключением привилегированных. Смертность не уменьшается. Рассказывают жуткие вещи. В школе, где работает Шура²³, у уборщицы в один и тот же день умерло трое детей. Она всех их положила в один гроб и так похоронила. Я спросил, как перенесла свое горе мать. Шура говорит: спокойно. С ослаблением физических сил притупилась чувствительность людей. Но в некотором отношении стало лучше. 24.01 прибавили хлеб. Служащие имеют теперь 300 гр, рабочие 400 гр, иждивенцы 250 гр. Вчера в нашей семье был очень шумный день. Нервы у всех натянуты до крайности. Больше всех волновался и повышал голос Тихон. Он ушел на несколько дней — так же, как Вас. Мих. Догадов — в дом отдыха с санаторным режимом, устроенным для ученых. Вас. Мих. — в бывшей гостинице «Астория», Тихон — где-то на углу 20 линии и Большого проспекта Васильевского острова (бывшие ясли для детей). Учреждение это новое и поэтому так много дефектов, холодновато (7–8 градусов), голодновато, но еда, хоть порции и малы, дается 4 раза в день. Света электрического, так же, как во всех частных домах, нет. Больные поэтому много лежат и много спят. <...> Мороз стоит жуткий. Вчера было 30–35 градусов по Цельсию. При этом резкий ветер. Сегодня немного лучше. Сейчас пришла Шура из школы. В ее школе пропал учитель — Давид Давидович Шухарт. Ушел из школы и домой не вернулся. Должно быть, где-нибудь упал на улице. На фронтах очень хорошо. Третьего дня у всех была большая радость. Наши произвели глубокий прорыв, взяли ряд городов Московской и Калининской областей (Западная Двина, Холм и другие). Углубились на запад километров на 120–150. А сегодня, говорят, дошли до латвийской границы, будто бы вернули Псков и Новгород, но об этом не объявлялось, так как около идут еще большие бои. Я все говорю «говорят», потому что со вчерашнего дня не действует радио. Газеты уже дней 5–6 не доставляют. Вышло распоряжение все газеты направлять в армию и частично в учреждения. Част-

ные лица больше их получать не будут, даже «Ленинградскую правду», которая выходит в уменьшенном размере и находится под угрозой закрытия. Жизнь становится очень трудной, но мы боремся за жизнь изо всех сил. Наша коммуна, хотя иногда немножко ссорится и пикируется, но живет дружно. Друг к другу относимся бережно и любовно. В частности, за мной очень ухаживают обе Верочки (жена и сестра). Пришедшие с улицы наши женщины говорят, что откуда-то доносится сильная орудийная пальба. Они думают, что бьют с фортов из тяжелых орудий. Идет, по-видимому, большой бой из-за Лагова²⁴, а может быть, из-за Мги.

29.01.42

Мне плохо, утром с трудом немного попил дрова для буржуйки, больше пилить некому. Когда встаю, внезапно падаю, но умирать не хочу и не собираюсь. Положение в городе удручающее, за хлебом публика стоит в хвостах по 10–12 часов и не получают. Верочка вчера и сегодня простояла в очередях 5–6 часов, была уже у прилавка и хлеба не получила. С 3 часов заняли снова очередь, наши женщины дежурят по очереди; сейчас Верочка вернулась назад, заведующая раздавала номерки, будет раздавать хлеб в 6 часов. Ночью, вероятно, установится живая очередь, и утром может произойти бой между теми, кто в живой очереди, и теми, кто получил номерки. Местами в городе прошли бунты. На углу улицы Печатников и Лермонтовского публика требовала Жданова и кричала по его адресу недозволенные вещи, разбила стекла в магазине, но в кооперативе хлеба не было. Во многих местах пожары, тушить нечем, воды нет. Авария в водонапорной башне. Власти успокаивают, говорят, что в течение дня все будет налажено, к сожалению, многие обещания их не сбываются. С фронта слухи хорошие. Радио бездействует. Что верно, что неверно, неизвестно. Народу умирает масса. Я теперь верю, что больше 50% умерло. В знакомой семье, состоящей из 3 лиц, умерло 2 — тетка и мать жены Игоря Сокольского²⁵, несчастная женщина только что родила дочь. Почти в каждой квартире смерть, одна или больше.

На этом дневник обрывается. 2 февраля Федора Михайловича Каменского не стало.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЭПОХИ

Из сохранившегося письма Веры Догадовой (сестры Ф.М. Каменского) от 20 ноября 1944 года²⁶ известно, что Тихон Александрович Оболдуев вместе с женой Натальей Михайловной эвакуировался в город Молотов (ныне Пермь), где умер от последствий дистрофии. Брат Ф.М. Каменского Борис Михайлович²⁷ стал декоратором Театра имени С.М. Кирова (Мариинского), выехал с театром в тот же Молотов и там скоропостижно скончался.

Зимой 1942 года в «Сказке» вспыхнул пожар. Несколько дней обессиленные от голода жители боролись с огнем, протягивая шланги к проруби во льду реки Пряжки. Удалось отстоять лишь дворовую часть здания. В 1952–1953 годах на старом фундаменте «Сказки» возвели «сталинский» жилой дом.

В коллекции Каменского-внука сохранилось большое количество акварелей, создававшихся Федором Михайловичем на протяжении всей жизни. Ф.М. Каменский от природы был наделен талантом художника, получал бесценные уроки живописного мастерства от отца, но профессионально живописью никогда не занимался. Однако кисти и краски неиз-

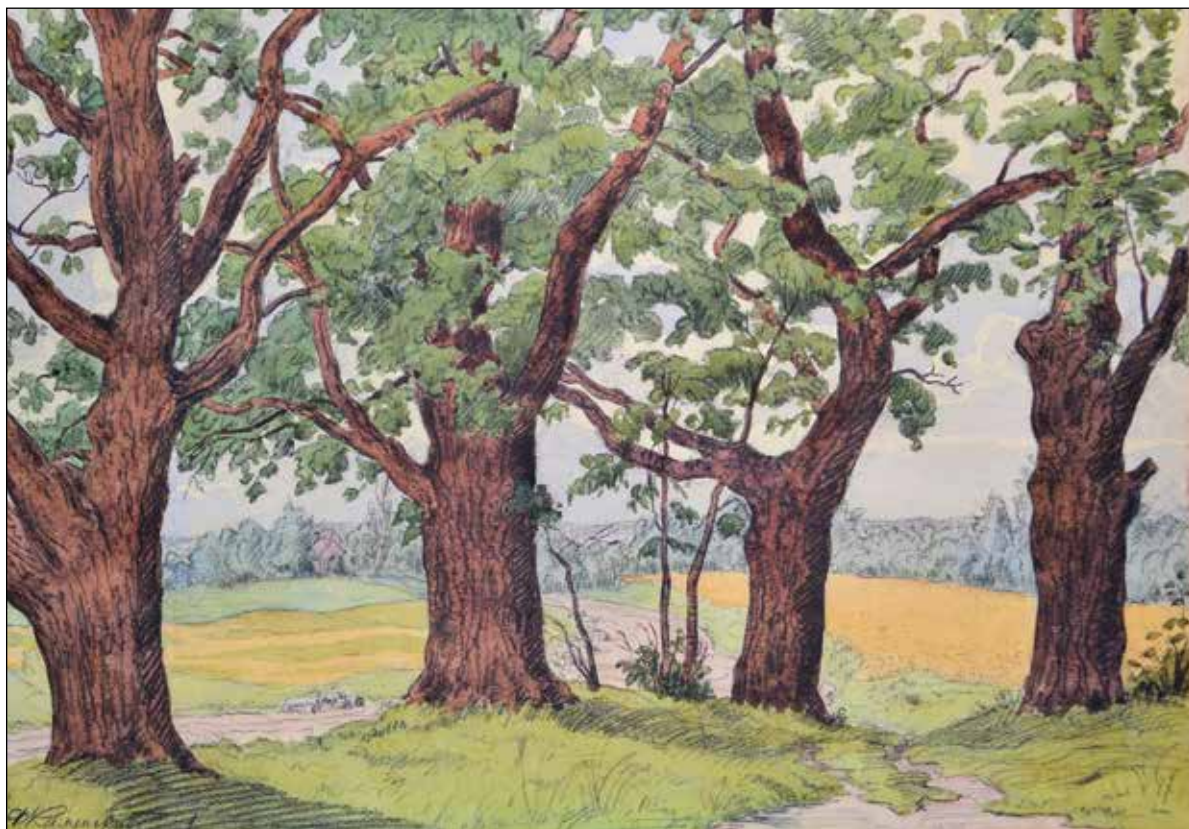
менно находились у него под рукой, помогая преодолевать и превратности судьбы, и серую монотонность будней. Эти акварели проникнуты любовью к родной природе и восторгом перед ее величием. В тексте помещено несколько акварельных работ Ф.М. Каменского, выполненных в разные годы.

В блокадном дневнике заведующего райздравотделом Кировского района И.В. Назимова я нашел такие слова: «Тот, кому придется знакомиться с этими записками, особенно не бывший в этот период в городе, — не будет верить всем этим диким фактам, свидетелями коих являемся мы. <...> Сегодня пишу потому, что хочется с кем-то поделиться своими моральными переживаниями. Невыносимо их таить в себе»²⁸.

Думается, каждый, кто вел тогда записи, осознанно или подспудно надеялся, что они будут прочитаны потомками. Так пусть же надежда Федора Михайловича Каменского осуществится...

*Публикация, вступление,
послесловие, комментарии
Сергея Анатольевича Иванова.*

Акварели Ф.М. Каменского

1940 год

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЭПОХИ

1924 год

1940 год

¹В 2014 г. в Москве вышла богато иллюстрированная книга Е.С. Хмельницкой «“Фарфоровая Россия” П.П. Каменского».

²Вера Николаевна, жена Ф.М. Каменского.

³Николай, сын Ф.М. Каменского, родился в 1917 г. в Петрограде (с 1924 г. — Ленинград), в 1941 г. окончил Ленинградский университет и сразу же ушел добровольцем в народное ополчение на Ленинградский фронт; в августе пропал без вести в районе Ораниенбаума.

⁴По-видимому, мать товарища Николая.

⁵Михаил (1923—1986), сын Ф.М. Каменского, после окончания средней школы (1941) был зачислен курсантом Высшего инженерно-строительного училища ВМФ; участник Великой Отечественной войны, полковник, кандидат технических наук, кавалер многих орденов.

⁶Ленинградский полиграфический техникум, в котором Ф.М. Каменский преподавал математику.

⁷Согласно сведениям, приведенным в книге Д.В. Павлова «Ленинград в блокаде» (М., 1985), в ноябре—декабре 1941 г. получали паек (в % от общей численности населения города): 1 категория — рабочие и ИТР (34,4%), 2 категория — служащие (17,5%), 3 категория — иждивенцы (29,5%), 4 категория — дети до 12 лет (18,6%).

⁸Сведения о нем, кроме приведенных в тексте, отсутствуют.

⁹Догадов Василий Михайлович — муж Веры Михайловны, старшей сестры Ф.М. Каменского.

¹⁰Оболдуев Тихон Александрович — муж Натальи Михайловны, младшей сестры Ф.М. Каменского.

¹¹Семья со стороны жены Ф.М. Каменского Веры Николаевны, урожденной Раевской.

¹²Вероятно, Годес Борис Абрамович.

¹³Василий Михайлович Догадов, муж старшей сестры Ф.М. Каменского — юрист, профессор Ленинградского университета.

¹⁴Тихон Александрович Оболдуев — горный инженер, в прошлом статский советник. Оставшись вдовцом, вторым браком

женится на младшей сестре Ф.М. Каменского Наталье Михайловне — выпускнице Смольного института, работавшей в библиотеке Дома ученых.

¹⁵Александр Оболдуев — старший сын Т.А. Оболдуева от первого брака, инженер.

¹⁶Сестры Ф.М. Каменского.

¹⁷Юра Оболдуев — младший сын Т.А. Оболдуева от первого брака, горный инженер. Также в первом браке Т.А. Оболдуева с Софьей Михайловной (урожденной Огранович) родилась дочь Маргарита (в замужестве М.Т. Фитингоф — певица, педагог по вокалу, концертмейстер Мариинского оперного театра).

¹⁸Жебелёв Сергей Александрович (1867—1941) — филолог-классик, специалист в области античной истории, эпиграфики, археологии; профессор Ленинградского университета.

¹⁹Александр Николаевич Ковальский. На его сестре Маргарите Николаевне (искусствовед, специалист по иконописи, научный сотрудник Русского музея) был женат брат Ф.М. Каменского Борис Михайлович (см. сноску 27).

²⁰Станция Мга Октябрьской железной дороги в Ленинградской области, крупный железнодорожный узел.

²¹Жена.

²²Сестра.

²³Сестра жены Ф.М. Каменского.

²⁴Лаголово — деревня в Ломоносовском районе Ленинградской области, административный центр Лаголовского сельского поселения.

²⁵Жена И. Сокольского — упомянутая в дневнике выше Шура (Александра), сестра В.Н. Каменской.

²⁶Личный архив А.С. Ограновича.

²⁷Каменский Борис Михайлович (1883—1942) — живописец и график. До 1925 г. жил в Москве, позже (с 1925) — в Ленинграде. Произведения находятся в собраниях Государственного Русского музея, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Рязанского областного художественного музея и других.

²⁸Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014.

Людмила Николаевна Сорокина

«Я бы всю жизнь
проповедовал Россию...»

Райнер Мария Рильке в Москве

Райнер Мария Рильке

*Иверские ворота.
Открытие конца XIX века*

Выдающийся австрийский поэт Райнер Мария Рильке (1875–1926) дважды приезжал в Россию. Он жил в Москве, Петербурге, путешествовал по Волге, посетил Саратов, Ярославль, Ясную Поляну, побывал на Украине. Рильке сохранил не угасшую с годами привязанность к удивившей его стране и ее народу. И сразу после возвращения из первого и второго путешествий, и спустя годы он утверждал одно и то же: Россия сделала из него того, кем он стал, его корни там, в русской земле. Рильке не раз повторял, что страна, далекая от места его рождения, кажется ему его таинственной родиной. В 1899 году он писал своей русской корреспондентке Е. Ворониной: «Если бы я пришел в этот мир как пророк, я бы всю жизнь проповедовал Россию как избранную страну...»¹. А за несколько месяцев до кончины еще раз признался: «Россия стала, в известном смысле, основой моего жизненного восприятия и опыта»².

Марина Цветаева, переписывавшаяся с Рильке, считала, что его интерес к ней обусловлен прежде всего чувством глубокого уважения и любви «немецкого Орфея», как называла она поэта, к России.

Не только в письмах, но и в творчестве Рильке нашло отражение это чувство.

Многие его произведения посвящены русской тематике: сборник «Часослов», серия рассказов «О Господе Боге...», статьи о русском искусстве, переводы произведений Лермонтова, Фофанова, Соллогуба, Дрожжина и других писателей, стихи на русском языке, — все это говорит само за себя.

В работах отечественных и зарубежных исследователей достаточно подробно освещено отношение Рильке к России, определены причины стойкого интереса к ней. Справедливо указано на восприятие поэтом нашей страны как антипода Западу.

Но есть еще один важный момент: путь Рильке к России пролегал через Москву. Впервые он побывал здесь в конце апреля 1899 года. Приехав в город, вышел у «Гранд-отеля», расположенного на северной стороне Воскресенской площади (площадь Революции), и увидел Кремль, Исторический музей, Иверскую часовню и Воскресенские ворота... Насколько поразила поэта открывшаяся перед ним красота, свидетельствует его письмо к С. Шиль: планируя второе путешествие в Россию он просит не беспокоиться о подыскании ему квартиры, поскольку не мыслит иного места пребывания в Москве, кроме Большой московской гостиницы,

откуда видна серебряная Иверская часовня — только в этом случае его приезд в Москву окажется «больше чем просто возвращение»³.

Приехав в Москву во второй раз (май 1900), Рильке поселился на Воздвиженке в меблированных комнатах «Америка» против дома Морозовых, в котором сегодня располагается Дом приемов Правительства РФ (такой адрес он сообщил в письме к Л. Пастернаку от 18 мая), а после возвращения 6 июля в Москву из путешествия по России остановился на Новомосковском подворье на Балчуге. На сей раз Рильке тоже стремился как можно больше увидеть архитектурных, исторических памятников Москвы, познакомиться с русским искусством, чтобы лучше понять характер русских людей: посещал Третьяковскую галерею, соборы, Теремной дворец и Оружейную палату, Исторический музей, Чудов и Новодевичий монастыри. В Малом театре посмотрел спектакль «Горе от ума». Мог часами разглядывать картины, скульптуры, изделия прикладного искусства на Сухаревке, просто бродить по Москве, вернувшей поэту «утраченный рай детства».

Большое впечатление произвела на Рильке встреча с Л.Н. Толстым — «трогательнейшим человеком и притом вечно русским». С удовольствием посещал поэт Л. Пастернака, жившего тогда на Мясницкой улице в пристройке к Училищу живописи, ваяния и зодчества, у Пастернака встречается со скульптором П. Трубецким, позже познакомится с писательницей С. Шиль, скульптором А. Голубкиной, историком западной литературы Н. Стороженко, искусствоведом П. Эттингером, философом П. Новгородцевым.

Пребывание в Москве стало важным этапом в его жизни и творчестве. Чтобы понять трепетно-восхищенное отношение Рильке к Москве, следует помнить, что он, как и другие поэты-символисты, усвоил романтическую концепцию бытия как загадочного таинственного универсума. В Москве все показалось ему окутанным тайной — церкви, освещенные лампадами и свечами, звон колоколов. И дело не в религиозности Рильке, считавшего религию лишь тоской человека по самому себе, «искусством нетворческих личностей»⁴.

Когда Рильке увидел темные храмы Москвы, его охватило чувство со-

Балчуг. Фотография начала 1920-х годов

Дом Л.Н. Толстого в Хамовниках. Фотография начала 1900-х годов

*Л.Н. Толстой в кабинете своего московского дома.
Фотография П.В. Преображенского. 1898 год*

причастности к тайне бытия: казалось, здесь открывается возможность постичь смыслы «темных предметов». Атмосферу ожидания чуда он передает в стихотворении «Знаменская». Поэта привлекает темнота потому, что в глубокой тьме, по его мнению, скрывается источник вся-

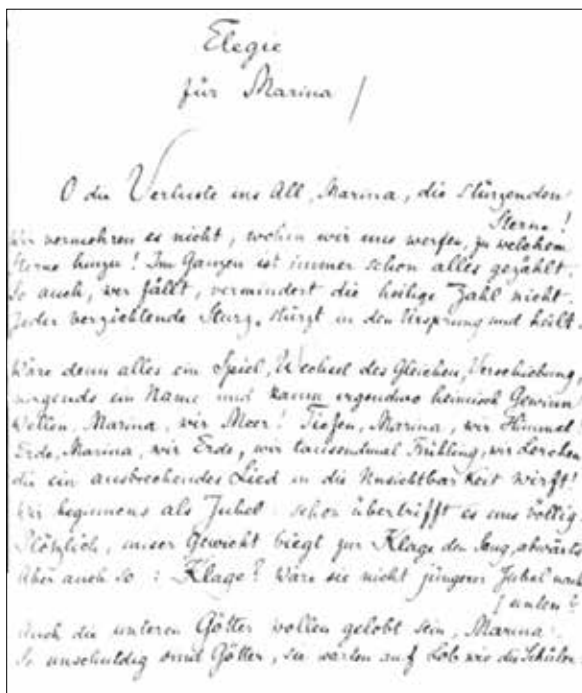
ческих знаний. Подобно В. Брюсову, советовавшему ловить в бездне вечерней шепот Рока, Рильке придавал большое значение «ночному бдению», «темным часам». В сборнике «Часослов» он славит «сумерки, из коих день восстал». Соборы, церкви, увиденные в Москве, были

Знаменский собор на Варварке

для Рильке не просто архитектурными памятниками, а отражением народного характера; в русских хороводах, песнях, танцах, по его мнению, присутствует элемент дионисийства⁵.

Для Рильке каждый русский человек — «мыслитель, толкователь и, если хотите, поэт»⁶. При этом он встречался в Москве не только с литераторами, художниками, скульпторами, а заходил, по сви-

Конверт письма Бориса Пастернака
Марине Цветаевой

Письмо Рильке
Марине Цветаевой

детельству С. Шиль, в трактиры для извозчиков и беседовал с ними, встречался со слушателями Пречистенских курсов, был знаком и переписывался с крестьянским поэтом С. Дрожжиным, которого даже посетил в деревне.

Русское искусство, как его воспринимал Рильке после знакомства с музеями Мос-

Райнер Мария Рильке.
Рисунок Эмиля Орлика. 1917 год

квы, несет печать народной души. Слава Иванова и Крамского, пишет он, зиждется именно на том, что оба художника пытались установить связь между искусством и русской душой. По той же причине Рильке высоко ценил Васнецова, стремившегося «прорыть каналы, целую систему каналов, которые выводили бы свои темные мерцающие воды прямо в искусство»⁷.

Москва с ее музеями, архитектурными памятниками казалась поэту средоточием всего исконно русского. И Рильке серьезнейшим образом начинает изучение русской живописи, скульптуры, архитектуры, продолжив его и в Петербурге, где читает труды Д. Ровинского и П. Гнедича, журналы «Мир искусства» и «Художественные сокровища России», штудирует первые выпуски «Истории русского искусства» А. Новицкого, «Историю русской живописи девятнадцатого века» А. Бенуа, с которым позже будет состоять в длительной переписке.

Для Рильке, испытавшего, как и другие символисты, воздействие Парнасской школы, усвоившего ее культ красоты, Москва стала символом Прекрасного. Говоря о красоте России, Рильке в письме к С. Шиль от 29 августа 1900 года называет прежде всего Москву, познакомившую его с русской живописью, скульптурой, архитектурой. Интерес к ним он сохраняет на всю жизнь. Первые опыты увековечения средствами поэзии памятников

архитектуры и искусства Рильке предпринимает именно после возвращения из «русского» путешествия в сборнике «Часослов» и других произведениях, навеянных воспоминаниями о Москве и России: монастыри, «древние и суровые соборы», «потемневшие иконы»... И много позже он будет, в отличие от французских символистов с их призывом к дематериализации, созданию зыбких, расплывчатых образов, живописать дворцы, набережные, площади, фонтаны.

Встрече с Москвой поэт обязан не только радостью созерцания красоты. Она дала ему возможность на какое-то время преодолеть чувство одиночества, столь свойственного поэтам-символистам — «паломникам красоты», «искателям истины», осужденным на вечные скитания. Ощущение своей неприкаянности, ненужности в этом слишком материалистическом мире тяготило Рильке, который действительно всю жизнь был странником — Германия, Италия, Франция, Швеция, Бельгия, Швейцария, Капри, Алжир, Тунис, Египет... Но лишь в Москве, судя по письмам, ему удалось преодолеть замкнутый круг одиночества, ощутить единство со всем человечеством. 17 марта 1926 года за несколько месяцев до смерти он писал, подводя итоги: «Решающим же влиянием была Россия, потому что в годы 1899-й и 1900-й она мне открыла ни с чем не сравнимый мир, мир неслыханных измерений, а еще потому, что благодаря свойствам русских людей я почувствовал себя допущенным в человеческое братство...»⁸. Местоимение «я» сменяется в его поэзии местоимением первого лица множественного числа: «мы находим», «мы преклоняем колени», «мы просим», «мы верим», — пишет он («Знаменская»).

29 августа 1900 года Рильке признается С. Шиль, что ему «трудно жить без русских». В том же письме, написанном на русском языке, поэт «сконструирует» свою модель мира: «Жизнь, мне кажется,

*Л.О. Пастернак. Рильке в Москве.
1928 год*

избушкой, изба с красными окнами и крышею, да маленькою башнею в которой живет какой-то Божий Колокол. Двери небольшие, комнаты с иконами и с лавочкой... уж я так хорошо знаю, как устроена эта изба! Но отчего говорить так об этой избе, как будто бы сон какой фантастический... А это так просто, что только можно сказать: ну что, избешку устроим. Будет время, да, может быть, и устроим»⁹ (сохраняется пунктуация оригинала. — *Л. С.*).

В мечте о «жизни-избушке» находит отражение тоска по утраченной навсегда России, ставшей для Рильке символом человечности. До конца своего жизненного пути он будет искать встреч с русскими людьми, переписываться с М. Цветаевой, читать русские книги, вспоминать «златоглавую» Москву...

¹*Rilke P.M.* Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М., 1971. С. 173.

²Там же. С. 310.

³*Rilke R.M.* Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit (1899 – 1902). Leipzig, 1931. S. 35.

⁴*Rilke R.M.* Tagebücher aus der Frühzeit. F. a. M. Insel, 1973. S. 37–38.

⁵*Rilke R.M.* Sämtliche Werke. Bd. 12. F. a. M. Insel, 1976. S. 1175.

⁶*Rilke P.M.* Ворпсведе... С. 172.

⁷Там же. С. 390–391.

⁸Там же. С. 310.

⁹*Rilke und Russland.* Briefe. Erinnerungen. Gedichte. Herausgegeben von K. Asadowski. Berlin und Weimar, 1986. S. 183.

Иван Иванович Маггер

Путь полководца и создателя

**К выходу книги о видном военачальнике и государственном деятеле
Александре Петровиче Тормасове (1752–1819)***

А.П. Тормасов происходил из небогатого дворянского рода. Родился в Москве. В 1772 году началась его военная карьера. Александр Петрович воевал в Крыму, на Дунае, участвовал в подавлении польского мятежа (1794), отличившись при штурме Праги — предместья Варшавы. Генерал-лейтенант (1798), генерал от кавалерии (1804).

В 1808–1811 годах А.П. Тормасов был главнокомандующим в Грузии и на Кавказской линии, во время Отечественной войны 1812 года — командующим одной из трех российских армий — 3-й Западной (1-й Западной командовал М.Б. Барклай-де-Толли, 2-й Западной — П.И. Багратион).

В книге рассказывается о русских полководцах прошлого, чьи победы вдохновляли юного Александра, — Димитрии Донском, Александре Невском, Г.А. Потемкине-Таврическом, Н.П. Румянцеве-Задунайском, А.В. Суворове, М.И. Кутузове. Описываются основные этапы войны 1812 года, сражения, в которых участвовал А.П. Тормасов, оказавшийся достойным своих великих предшественников. Его портрет помещен в Военной галерее Зимнего дворца в Петербурге, он удостоился всех российских и ряда и иностранных наград. Одна из наград, орден Святого Георгия 2-й степени, была пожалована ему за победу в сражении под городом Кобрином Гродненской губернии 15 (27) июля 1812 года — первую нашу викторию в войне с Наполеоном, вдохновившую отступавшие русские войска и давшую им уверенность

в окончательном одолении неприятеля. Значение этой победы — прежде всего моральное и политическое — высоко оценили современники. Историк А.И. Михайловский-Данилевский писал: «Победа сия <...> важна потому, что была первой со времени вторжения неприятеля в Россию. Тогда после непрерывных реляций об отступлении Барклай-де-Толли и князя

*Тормозова Л.И. Полководец А.П. Тормасов. М., 2015.

*Дж. Доу. Александр Петрович Тормасов.
Холст, масло. 1820-е годы*

Багратиона в первый раз гром пушек с Петропавловской крепости обрадовал жителей Северной столицы. Судьба предоставила Тормасову завидную участь в горестное для России время первому утешить своих соотечественников радостною вестью».

На А.П. Тормасова в числе прочих талантливых военачальников возлагал большие надежды М.И. Кутузов: «Я баталию выиграл прежде Москвы, но надо сберечь армию, и она целехонька. Скоро все наши армии, т. е. Тормасов, Чичагов, Витгенштейн и еще другие станут действовать к одной цели, и Наполеон долго в Москве не пробудет». Действительно, вместе с фельдмаршалом Кутузовым генерал от кавалерии Тормасов гнал врагов с Русской земли, громя их под Малоярославцем, Вязьмой, Красным (за сражение под Красным Александр Петрович получил орден Андрея Первозванного, став единственным обладателем этой награды за весь период Отечественной войны 1812 года), продолжая преследовать остатки наполеоновского войска и за пределами России. Замещал главнокомандующего русской и союзными армиями в 1813 году, когда М.И. Кутузов заболел и вскоре скончался в Бунцлау.

После окончания войны А.П. Тормасов, назначенный в 1814 году московским градоначальником (военный губернатор — 1814, главнокомандующий в Москве и управляющий по гражданской части —

1814—1816, военный генерал-губернатор, управляющий гражданской частью — 1816—1819), отстраивал разрушенную вражеским нашествием древнюю столицу, возрождал ее из пепла. В это время ярко проявились незаурядные созидательные способности Александра Петровича. При нем в Первопрестольной в целом сложилось Бульварное кольцо, выравнивались улицы, появились новые современные кварталы, Манеж, памятник Минину и Пожарскому на Красной площади. Москвичи не уставали благодарить государя за дарование им «начальника, который, сохраняя законы, был равно внимателен к богатому и к бедному, в чести сущему и в убожестве пребывающему». За свои плодотворные труды по восстановлению Москвы А.П. Тормасов возводится в графское Российской империи достоинство. В Москве он и скончался, упокоившись в Малом соборе Донского монастыря.

Предлагаемое издание — первая книга об Александре Петровиче Тормасове. При работе над ней задействован весь континуум имеющихся источников — воспоминания и письма современников, результаты историко-архивных изысканий, книжные, журнальные, газетные публикации XIX — начала XXI века. Книга написана ярко и увлекательно, богато иллюстрирована, ее с удовольствием и пользой прочтут как специалисты, так и все интересующиеся родной историей, ратными свершениями «России верных сынов».

Коротко об авторе. Людмила Илларионовна Тормозова — журналист, краевед (москвовед), редактор. После окончания факультета журналистики МГУ много лет работала в ведущих издательствах Москвы, занимаясь историческим прошлым России и других стран. К читателям поступили около трехсот отредактированных ею изданий; был также опубликован ряд статей, очерков, книг ее собственного сочинения. Среди последних — «Улица Карла Маркса, 36» (М., 1988) — о сохранившемся в Москве на Старой Басманной улице доме, где жил дядя великого русского поэта А.С. Пушкина, тоже поэт Василий Львович Пушкин; «Четыре года из детства. 1941—1945» (М., 2011) — воспоминания о людях, чье детство совпало со временем Великой Отечественной войны и эвакуацией из Москвы в восточные районы страны; «Василий Львович Пушкин в Москве» (М., 2014) — о жизни и творчестве В.Л. Пушкина.

23 октября 2015 года
Детская библиотека № 71
(Москва, улица Байкальская, 46)

Вечер, посвященный 150-летию
со дня рождения художника-
баталиста, анималиста,
мастера книжной графики
Николая Семеновича Самокиша
(1860–1944)

В стенах детской библиотеки №71, давно уже превратившейся в один из заметных культурных центров Восточного округа столицы, мероприятия, подобные этому, не редкость. Вечер же памяти Н.С. Самокиша привлек к себе особое внимание. Выставку работ художника посетило более 4 тысяч человек — детей и взрослых.

В библиотеке под руководством директора Веры Ивановны Карпачевой собрался сплоченный коллектив единомышленников, остро чувствующий потребность делать для детей нечто большее, чем просто выдавать-принимать книги. В числе прочего здесь решено было устраивать Уроки мужества, где разговор идет о ратных

ЛЕТОПИСЕЦ

Н.С. Самокиш. Преследование. Бумага, акварель. 1904 год

подвигах защитников Отечества, о преемственности поколений, о верности долгу... С 2013 года эти Уроки ведет Виктор Маркович Домащенко — сын художника-«грековца» Марка Николаевича Домащенко (1906–1988), судьба которого была тесно связана с судьбой Н.С. Самокиша.

Вел В.М. Домащенко и вечер 23 октября, оказавшийся по своему содержанию созвучным Урокам мужества. Из гостей среди прочих присутствовали председатель комиссии Мосгордумы по монументальному искусству, профессор Российской академии архитектуры и строительных наук, заслуженный архитектор РФ Лев Николаевич Лавренов, классный руководитель, преподаватель русского языка и литературы школы № 319 (Гольяново) Елена Ивановна Камоска, художник-оформитель, в прошлом пятикратная рекордсменка мира, мастер спорта по прыжкам с парашютом Раиса Артемьевна Витохина.

С неподдельным интересом участники мероприятия слушали рассказ В.М. Домащенко о жизни и творчестве Н.С. Самокиша и М.Н. Домащенко, о перенесенных ими в годы революций, Гражданской и Великой Отечественной войн испытаниях, о совместной работе в Студии военных художников имени М.Б. Грекова, о дружбе этих двух талантливых людей. В 1929 году молодой красноармеец и начинающий художник Марк Домащенко (настоящая фамилия — Хвостиков) отважился написать письмо уже к тому времени признанному мэтру, и с тех пор их переписка не прекращалась. Виктор Маркович бережно хранил письма Самокиша к отцу (всего 26); в архиве Харьковского художественного музея находятся 17 писем М.Н. Домащенко к Н.С. Самокишу. Оказавшись в оккупации в Симферополе, одинокий, старый, больной Самокиш, тем не менее, находил силы преподавать в созданной им художественной студии, наотрез отказавшись от предложения немецких властей сотрудничать. Его архив, переживший грозное военное лихолетье, в 1955 году приобрел Харьковский художественный музей, а семейный архив В.М. Домащенко, уцелевший в период фашистской оккупации Майкопа, нашел пристанище в Москве.

Эпистолярное наследие учителя и ученика позволяет более подробно проследить жизненные пути-дороги двух художников. Известна, например, любовь Николая Семеновича к лошадям, занимающим в его

В.М. Домащенко

творчестве особое место. В одном из писем М.Н. Домащенко к Самокишу есть такие строки: «Смотрю это я на кавалерию, нарисованную вами, и кажется мне, что вы сами кавалерист до мозга костей и любите лошадей больше, чем я, а их я люблю больше, чем свою жизнь. Ведь правда?» Ответ гласил: «Ваша любовь к лошади и кавалерийскому делу находит живой отклик в моей душе, так как я люблю это и как художник и как бывший кавалерист (в Японскую войну). В этом направлении я и работаю до сего дня, лошадь считаю благородным и красивым созданием и стараюсь изображать ее не только с наружной стороны, но и передать ее психику, ее порыв, что самое красивое у лошади: даже кляча на скаку красива и живописна».

А был ведь еще у каждого и боевой путь, отраженный и в письмах, и в произведениях, запечатлевших ту атмосферу воинского подвига, по поводу которой на одном из Уроков мужества двенадцатилетняя Маша Курбатова написала потрясающие слова: «У меня такое чувство, будто я нахожусь там, мне очень хотелось умереть за свою Родину...»

*Выпуск Летописца подготовила
Екатерина Адольфовна Берг.
Фотографии автора.*

Галина Владимировна Аксенова

Во имя «развития искусства книги в России»

Новые страницы биографии издателя
Александра Александровича Левенсона (1851–1922)

*Лист из издания «Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон.
Исторический очерк и описание мастерских 1881–1903»*

«Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон» было одним из самых лучших российских издательств конца XIX — начала XX века, получив статус «поставщика двора Его императорского величества». Организацией производства в типографии Товарищества занимались ведущие техники и инженеры; в типографском, литографском, фотоцинкографском цехах, словолитне, переплетной мастерской трудились искуснейшие мастера; к иллюстрированию выпускаемой книжной и листовой продукции привлекались известнейшие московские художники — В.М. и А.М. Васнецовы, А.П. Рябушкин, Б.В. Зворыкин, К.В. Лебедев и другие. Здание типографии и издательства, построенное по проекту архитектора Ф.О. Шехтеля, и по сей день является украшением Москвы.

В 1906 году на праздновании 25-летия фирмы А.А. Левенсона Роман Романович Голике, один из владельцев и основателей акционерного художественно-книгоиздательского «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг» (Санкт-Петербург), отмечая выдающиеся достижения московской скоропечатни, в шутку заявил, что юбиляра следует не чествовать, а порицать, поскольку он коварно «успел захватить в свои руки не только московский рынок, но и неоднократно наносил серьезные поражения петербургским печатникам»¹.

Недавно «Московский журнал» опубликовал посвященную А.А. Левенсону статью². Ее автор по ходу рассказа сетовал на крайнюю скудость имеющихся у исследователей биографических данных об этом крупнейшем организаторе отечественного издательского дела («Практически ничего не известно», «Поиски в библиотеках и архивах ожидаемых результатов не дали»). Тем не менее, на статью появились отклики. Среди откликнувшихся был и новосибирский журналист Сергей Иванович Шрамко, как оказалось, увлеченно собирающий материалы об А.А. Левенсоне и не преминувший поделиться добытой информацией с нами. Это позволило, во-первых, уточнить дату смерти издателя — 1922 год (указан публикаторами переписки А.М. Горького и Л.Н. Андреева в серии «Литературное наследство»³). Во-вторых, у В.А. Гиляровского Шрамко обнаружил некоторые сведения о родителях А.А. Левенсона. В книге «Москва и москвичи» говорится следующее:

«На углу Петровки и Рахмановского переулка, в доме доктора А.С. (такие инициалы — как увидим ниже, неверные — приводит Гиляровский. — Г.А.) Левенсона, отца известного впоследствии типографа и арендатора афиш и изданий казенных театров Ал. Ал. Левенсона», находился трактир Зверева⁴. В одной из газетных заметок Гиляровский пишет: «Левенсон был по профессии врач, но мало, к счастью пациентов, занимался этим делом. Это был купец и промышленник, делец и ловкач, наживавший огромные деньги и оставивший их своему сыну, потом известному типографу и издателю Александру Левенсону, достойному сыну своего отца по части наживания денег».

Эти краткие реплики В.А. Гиляровского помогли сориентироваться в дальнейших поисках. Так, оказалось, лекарь Александр Борисович Левенсон в 1861 году в стенах Императорского Московского университета защитил диссертацию на звание доктора медицины⁵. Находясь на государственной службе, он получил чин действительного статского советника и тем самым право на потомственное дворянство. О его кончине 26 ноября 1888 года писала газета «Московские ведомости»⁶. Отпевание состоялось в немецкой церкви святых Петра и Павла, «что на Маросейке, в Козьмодемьянском переулке, а погребение — на Ваганьковском кладбище».

В 1892 году вдова А.Б. Левенсона Софья Иосифовна Левенсон зарегистрировалась как домовладелица и купчиха 2-й гильдии⁷. В справочных изданиях «Вся Москва» за 1890-е годы она числится вдовой действительного статского советника, проживавшей в собственном доме в Рахмановском переулке по третьему участку Тверской части. Указаны и ее сыновья — Александр Александрович и Сергей Александрович Левенсоны.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

*Каталог издательства А.А. Левенсон — участника Лейпцигской выставки.
Обложка, титульный лист, страница*

*Форзац, переплет (1-я и 4-я стороны) издания «Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон.
Исторический очерк и описание мастерских 1881–1903»*

*Марка
участника
Международной
выставки
печатного
дела и графики
в Лейпциге
в 1914 году*

Лист, представляющий качество цветной печати в четыре краски, из книги «Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон. Исторический очерк и описание мастерских 1881–1903»

В Ново-Переделкино сохранилась дача С.Я. (такие инициалы — опять же, очевидно, ошибочные — значатся на мемориальной доске) Левенсон, построенной по проекту Ф.О. Шехтеля: затейливой архитектуры деревянный дом, украшенный башенкой со сказочным петушком⁸.

Обнаруженная С.И. Шрамко в Российской национальной и Государственной публичной исторической библиотеках информация позволила установить еще ряд любопытных фактов. В 1906 году А.А. Левенсон заключил с одним из своих крупнейших пайщиков — издателем и меценатом Иосифом Николаевичем Кнебелем — договор, по которому Кнебель брал на себя подготовку рукописей и распространение изданий левенсоновской скоропечатни. Начало сотрудничеству положила работа над книгой, посвященной 100-летию со дня смерти А.В. Суворова. Узнав, что офицеры Генерального штаба собрали редкие материалы о жизни и деятельности полковника, Иосиф Николаевич предложил осуществить уникальное иллюстрированное издание отечественными силами и разместить заказ в типографии А.А. Левенсона. Так и сделали. Книгу высоко оценила читающая публика⁹. Остались довольны и составители — офицеры М.Б. Стремоухов и П.Н. Симанский, писавшие: «Нам приходилось неоднократно слышать от лиц компетентных, что на русской бумаге, с русских клише, в русской типографии нельзя получить удовлетворительных результатов. Настоящая попытка,

к счастью, в значительной мере опровергает это мнение»¹⁰.

В 1911 и 1914 годах «Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон» принимало участие в Лейпцигских международных выставках печатного дела и графики. К выставке 1914 года скоропечатня выпустила красочный рекламный каталог¹¹. Помимо краткого очерка деятельности фирмы, он содержал аннотированный перечень полусотни различных высокохудожественных изданий, однако с учетом интересов зарубежной публики на выставке были представлены книги «исключительно в русском национальном духе»¹²: факсимильное «Архангельское Евангелие», альбом автотипий «Русские пословицы и поговорки в рисунках В.М. Васнецова», «Золотой петушок» А.С. Пушкина, «Летописный и лицевой изборник дома Романовых».

По мнению одного из крупнейших современных книговедов Л.И. Юниверга, Лейпцигская выставка 1914 года «послужила хорошим стимулом для развития искусства книги в России. Одним из характерных факторов этого процесса явилось создание в Москве “Общества изящной книги”»¹³. Инициаторами организации Общества стали А.А. Сидоров, А.А. Левенсон и Ф.Н. Котов, возглавлял «проект», как сейчас говорят, директор Румянцевского музея В.Д. Голицын¹⁴. ОИК сочло необходимым открыть в Москве школу и музей художественной печати¹⁵. Идею горячо поддержал А.А. Левенсон.

*Дача
С.И. Левенсон
в Ново-Переделкино*

Александр Александрович был увлеченным театралом. Не случайно В.А. Гиляровский называет его «арендатором афиш и изданий казенных театров»¹⁶. Действительно, до революции театральные афиши в Москве печатались типографией Товарищества. А.А. Левенсон являлся поклонником таланта выдающейся актрисы Марии Гавриловны Савиной (1854–1915). Частично сохранилась их переписка, свидетельствующая о дружеских отношениях¹⁷. Из нее мы узнаем о переговорах, которые

Левенсон вел по поводу киносъемки трех спектаклей с участием М.Г. Савиной¹⁸.

Наш краткий очерк об А.А. Левенсоне, немало поспособствовавшем успеху «дела русской художественной печати»¹⁹, мы рассматриваем в качестве очередного шага на пути возможно более полного воссоздания биографии этого видного издателя и предпринимателя; надеемся также, что дальнейшие изыскания впишут новые яркие страницы в историю московского книгопечатания.

¹Юниверг Л.И. 1881. 100 лет типографии // Памятные книжные даты. М., 1981. С. 234.

²Сорокина Г.В. Скоропечатня. О деятельности московского издателя Александра Александровича Левенсона (1851–?) // Московский журнал. 2015. № 1. С. 85–96.

³Андреев Л.Н. Письмо к Максиму Горькому. 27–28 сентября 1904 г. // Литературное наследство. Т. 72. Максим Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., 1965. С. 226.

⁴Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М., 1935. С. 361.

⁵Левенсон А.Б. Об остром сочленовном ревматизме. Дис., напис. для получения степ. д-ра мед. в Имп. Моск. ун-те лекарем Александром Левенсоном. М., 1861.

⁶Московские ведомости. 1888. № 329. 27 ноября.

⁷Сообщено С.И. Шрамко.

⁸Кириченко Е.И. Федор Шехтель. М., 2011.

⁹Стремоухов М.Б., Симанский П.Н. Жизнь Суворова в художественных изображениях. Собр. портр., картин, гравюр и др. произведений живописцев, гравюров, скульпторов и др. художников. М., 1900.

¹⁰Цит. по: Юниверг Л.И. Указ. соч. С. 234–235.

¹¹Поставщик двора Его императорского Величества Т-во скоропечатни А.А. Левенсон на выставке печатного дела и графики в Лейпциге 1914 г. Hofkunstdruckerei Gesellschaft A.A. Lewenson, Moskau.

¹²Там же. С. 15.

¹³Юниверг Л.И. Указ. соч. С. 236.

¹⁴Библиографические известия. 1914. № 1–2. С. 170.

¹⁵Берков П.Н. История советского библиофильства. М., 1971. С. 78.

¹⁶Гиляровский В.А. Указ. соч. С. 361.

¹⁷РГАЛИ. Ф. 853. Оп. 2. Ед. хр. 116, 760.

¹⁸Там же.

¹⁹Поставщик двора... С. 5–7.

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

<http://mosjour.ru>

Тел.: (495) 912-23-04; e-mail: mosmag@mosjour.ru
109004. Москва, ул. Николоямская, д. 45, стр. 1

XX ВЫСТАВКА-ЯРМАРКА
НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ РОССИИ

ЛАДЬЯ

Весенняя фантазия

ЦВК «ЭКСПОЦЕНТР»

2 - 6 марта 2016
Павильон № 2 (залы 1-3)

Адрес: метро Выставочная, 1-й Красногвардейский пр-д
Тел. Ассоциации: (499)124-48-10,124-08-09 www.nkhp.ru nkhp@mail.ru

Михаил Михайлович Попов

Москва рекламная

**По поводу некоторых современных
рекламных плакатов и вывесок**

«Плюс Банк»

(Садовое кольцо, у метро «Курская»)

Продолжаем «банковскую» тему. В названии использована широко употребляющаяся словесная конструкция, но использована как бы «с другой стороны», что рождает забавный эффект. Обычно пишут: «Радио Европа Плюс» и тому подобное. Здесь же на ум невольно приходят совершенно неподобающие для серьезного учреждения словосочетания, вроде «Шашлыки плюс банк» или «Сауна плюс банк».

Туристическое агентство «Малина»

(улица Ольховая)

И в прежние времена слово «малина» порождало прежде всего не ягодные, а криминальные ассоциации. Теперь же, когда вокруг сплошь и рядом выясняется, что туристические агентства оказываются криминальными сообществами, подобное название выглядит как явная антиреклама.

«Двери»

(улица Стромынка)

Из разряда «не верь глазам своим». На фото — два окна, а надпись гласит — «Двери». Сначала я предположил здесь обыкновенное недоразумение, каких немало можно встретить в большом городе. Но потом вспомнил: совсем рядом находится архитектурный шедевр конструктивизма — клуб, построенный по проекту К.С. Мельникова, и подумал, что это соседство определенным образом сказалось и на оформлении соседних зданий.

«Валгалла»

(улица Ольховая)

Вот уж, честно говоря, не думал, что когда-нибудь доведется узнать, где именно находится место упокоения героев германо-скандинавской мифологии. Оказывается, все просто: Валгалла располагается в Москве на улице Ольховой, и, судя по всему, соседством этим никто особенно не обеспокоен.

Ломбард «Перспектива»

(улица Остоженка)

Здесь мы имеем дело со случаем непреднамеренной — или, наоборот, «тонко преднамеренной» — иронии. По моему мнению, дать такому заведению, как ломбард, название «Перспектива» может только иронически настроенный мизантроп, ибо в ломбард идут отнюдь не те, кто строит радужные планы на будущее.

Ветеринарная клиника

(угол улицы Галушкина
и Ярославского шоссе)

К сожалению, на снимке надпись плохо различима, поскольку ее затмевает расположенная ниже яркая реклама кафе-хинкальной. Так или иначе, от соседства этих двух вывесок возникают, согласитесь, не очень приятные ассоциации: слишком часто в средствах массовой информации нам сообщают, из чего готовятся в Москве блюда восточной кухни.

Пиццерия «Санторини»

(улица Ольховая)

Пиццерия, как известно, — название итальянского заведения, а Санторини — отнюдь не итальянский, а греческий остров, да к тому же знаменитый тем, что несколько тысяч лет назад там произошло грандиозное извержение вулкана, надолго изменившее климат на Земле. Не лучшая реклама для учреждения общественного питания.

Владимир Григорьевич Мейнгард

В поисках прошлого

Путешествия по Тульской губернии
в пространстве и во времени

Плавск.

Административное здание в центре города

В 1980-х годах, еще студентом, а потом аспирантом, я каждое лето гостил у родственницы в Ленинграде. Это были относительно «вегетарианские» времена «позднего застоя», поэтому она вполне откровенно рассказывала, что в Тульской губернии, в Одоевском уезде, наши

предки владели поместьями. Ее бабушка, Юлия Карловна Мейнгард¹ (1833–1912), унаследовала имение у сельца Лески от отца — доктора медицины, статского советника Карла Людвиг (Карла Федоровича) Морица (1799–1870), служившего лекарем в госпитале Импера-

***Федор Александрович Мейнгард с женой Анной Александровной (урожденной Кудряшовой).
Фотография 1909 года***

***Георгий Александрович
и Александр Александрович Мейнгарды.
Фотография 1910–1911 годов***

торского Тульского оружейного завода. Юлия Карловна передала имение сыну — Георгию Александровичу Мейнгарду (1866–1945). Поскольку обширная адвокатская практика последнего и активное участие в деятельности кадетской партии не оставляли ему времени заниматься хозяйством, он доверил это младшей незамужней сестре Ольге Александровне Мейнгард (1868–1953), которая, обладая мужским складом ума, прекрасно справлялась — более того, одно время была даже совладелицей чугунолитейных мастерских младшего брата, инженера-механика Федора Александровича Мейнгарда (1871–1941), располагавшихся у станции Паточная Московско-Курской железной дороги (ныне — районный центр Плавск).

Замужняя младшая сестра Г.А. Мейнгарда — Лидия Александровна Мейнгард (1870–1941?), выйдя замуж за судейского чиновника Евгения Константиновича фон Колен (1864–1941?), получила в приданое имение возле деревни Муравлевка.

***Ольга Александровна Мейнгард.
Прага. Фотография 1943 года***

Старший брат Георгия Александровича — действительный статский советник Александр Александрович Мейнгард (1861–1932), служивший управляющим Казенной палаты в Калуге, приблизительно в 1910 году купил имение у деревни Воейково.

Внимая подобным рассказам, разглядывая старые фотографии, я с годами все больше проникался мыслью побывать в тех краях. В 1990 году наконец съездил в Тулу, повторил поездку в 1992 и 1993 годах; во время последнего вояжа посетил Плавск и бывшее сельцо Лески (тогда — совхоз «За мир»). Но где именно находилось мейнгардовское имение, узнать так и не удалось. Расспросы местных жителей ничего не дали — былое уже стерлось из памяти людской, смутно помнились лишь разговоры стариков о дореволюционных здешних помещиках «Вейнгардских». Услышав такое звучание фамилии «Мейнгард», я невольно улыбнулся: воистину, велик и могуч русский язык, все ему подвластно...

Были поездки и потом; с 2009 года они совершались регулярно — в каждый мой летний отпуск.

В конце 1990-х годов я прочитал в альманахе «Дворянское собрание» опубликованные С.Г. Щегловым воспоминания его деда А.М. Долинино-Иванского, найдя для себя много новых сведений об этом дворянском роде, оставившем заметный след в истории Тульского края², где и моей прапрабабушке Анне Андреевне Вицинской (урожденной Долинино-Иванской. 1828–1917) принадлежало расположенное неподалеку от Лесков имение Витцинские выселки³. В 2010 году в электронной версии газеты «Тульские известия» мне довелось ознакомиться с заметкой об установленных возле школы в селе Карамышево памятных знаках с именами основателя села князя Н.М. Вадбольского, создателя школы — Крапивенского уездного предводителя дворянства А.Н. Долинино-Иванского и председателя местного колхоза И.Н. Семенова. Школа организовывалась при участии Л.Н. Толстого, а его сосед — тогдашний владелец Карамышева Андрей Никитич Долинино-Иванский — упомянут в мемуарах А.Б. Гольденвейзера⁴.

Все это подвигло меня летом 2010 года совершить очередное путешествие в прошлое.

*Илиодор Андреевич Долинино-Иванский.
Фотография из архива
Плавского краеведческого музея*

Инполит Михайлович Витцинский

*Анна Андреевна Вицинская с внучками
Наталией (с косами) и Татьяной Кудряшовыми.
Фотография начала 1900-х годов*

* * *

Из Плавска на автобусе я довольно скоро доехал до Карамышева. Еще на подходе к школе увидел те самые памятные знаки — три белые колонны, увенчанные декоративными светильниками. Я направился к школе, чтобы расспросить кого-нибудь об этом своеобразном мемориале.

В вестибюле мне встретилась женщина «учительского» вида, оказавшаяся завхозом. Я представился, и между нами состоялся следующий разговор:

— Меня интересует все, что связано с моим пращуром Андреем Никитичем Долинино-Иванским.

— Что?! Вы Долинино-Иванский?

— Нет. Но моя прапрабабушка Анна Андреевна Вицинская была урожденная Долинино-Иванская. Она вышла замуж за поручика Корпуса лесничих Ипполита Михайловича Вицинского — потомственного дворянина Воронежской губернии. Служил Вицинский в Тульской губернии, в Крапивне. В приданое Анна Андреевна получила деревню Витцинские выселки

в Одоевском уезде Тульской губернии. Младший внук Анны Андреевны Сергей Кудряшов — мой дед, последний владелец Витцинских выселок.

— В Карамышево лет десять назад приехали из Москвы какие-то потомки Долинино-Иванских — люди солидные, представительные, на двух «Волгах». Целый день ходили, смотрели место, где стоял барский дом, парк, церковь. Вы их не знаете?

— Не знаю. Хотя, насколько мне известно, в Москве Долинино-Иванские живут. Есть они и в Астрахани, Риге... Что ж, приятно, что они интересуются своими предками...

Появился директор школы Владимир Михайлович Субботин, по словам моей собеседницы, много лет занимающийся изучением истории села и его владельцев. Это был человек ростом выше среднего, поджарый, одетый по-летнему; виски и усы заметно тронуты сединой. Мы поднялись на второй этаж в директорский кабинет и там разговорились. Владимир Михайлович оказался краеведом-энтузиастом — дельным, компетентным, пытливым. Его интересовало буквально все: происхождение Долинино-Иванских, их родственные связи с дворянами Тульской губернии, в особенности с Болотовыми и графом Л.Н. Толстым, судьба погибших в 1930-х годах сестер-монахинь Марфы и Марии (Долинино-Иванских), других представителей рода. В свою очередь, В.М. Субботин поведал мне, что местные жители до сих пор вспоминают со слов бабушек и дедушек, какое богатое было имение у Долинино-Иванских: каменные постройки на барском подворье, оранжереи, парники, теплицы, фруктовый сад, мельница, рыбные садки на речке Солове. Долинино-Иванские считались образцовыми хозяевами. На протяжении многих лет они приглашали в свою усадьбу окрестных помещиков, для которых устраивали, говоря современным языком, что-то вроде научно-практических семинаров. В селе на площади у церкви два раза в год проводились сельскохозяйственные ярмарки. Волнения 1905 года обошли Карамышево стороной; не тронули карамышевские крестьяне имущество своих помещиков и в 1917-м. Однако сразу же после революции последний владелец усадьбы гвардии поручик в отставке Иван Михайлович Долинино-Иванский навсегда покинул родовое гнездо и уехал

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА

Фотографии 2010 года

*Руины храма
Владимирской иконы Божией Матери*

*Река Солова
в окрестностях села Карамышево*

*Во дворе школы села Карамышево.
В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт
и директор школы В.М. Субботин.
Фотография 2015 года*

в Москву. Писатель О.В. Волков в своей автобиографической книге рассказал о встрече с сыном И.М. Долинино-Иванского Владимиром Ивановичем, к тому времени уже просто Долининым, проживавшим в Лианозово⁵.

Между тем наступил вечер, и мы с Владимиром Михайловичем расстались, договорившись о встрече здесь же на завтра.

На следующий день в назначенный час Владимир Михайлович подъехал к школе на автомобиле, и мы отправились осматривать бывшие владения Долинино-Иванских. По дороге мой гид вновь начал пересказывать воспоминания старожилов о том, какое богатое хозяйство имели Долинино-Иванские. Даже спустя много лет после Гражданской войны плодоносили фруктовые сады, а рыбные садки давали жителям хороший улов рыбы вплоть до середины XX столетия. Усадебный дом был окружен большим красивым парком с каскадом прудов, спускавшимся к Солове. Перед домом работал фонтан внушительных размеров.

Так за разговорами мы доехали до места, где когда-то стоял дом Долинино-Иванских. От дома ничего не осталось, даже фундамента — окрестные жители не поленились извлечь фундаментные камни из земли для своих нужд. За прошедшие десятилетия все здесь заросло высокими деревьями. Владимир Михайлович сказал, что, по его прикидкам, длина дома по фасаду составляла около ста метров. Комнаты, скорее всего, располагались анфиладой. Из мезонина открывался широкий вид на Солову. Простирающиеся до самого горизонта просторы — все это были земли Долинино-Иванских.

Рядом в густой траве и кустах лежали обломки нескольких надгробий, кем-то перенесенные сюда с фамильного некрополя Долинино-Иванских, находившегося в ограде карамышевской церкви. На одном из обломков — кубической формы, с углублением от сбитого креста — еще читалось имя гвардейского поручика Ушакова, жившего в середине XIX века, — возможно, родственника владельца Карамышева.

О церкви же в честь Владимирской иконы Божией Матери, возведенной в 1722 году на средства князя Никиты Матвеевича Вадбольского, в труде В.И. Чернопятова «Дворянское сословие Тульской губернии» говорится среди прочего следующее: «В 1845 г. иждивением местного помещика Андрея Никитича Долинино-Иванского был сооружен в теплой трапезной придел во имя преподобного Андрея Критского. В 1895 году был сооружен другой придел во имя Спаса Нерукотворного. <...> Мих. Андр. Долинин-Иванский и затем дети его Иван и Тихон Михайловичи <...> немало употребляют средств на поддержание благолепия означенного храма»⁶.

Церковь стала следующим пунктом нашей поездки. От нее, лишенной купола, осталась лишь кирпичная коробка. Мы проникли внутрь через пустой дверной проем, перед которым зияла довольно глубокая яма, заросшая травой, крапивой и кустарником. От нас потребовалась изрядная сноровка, дабы это препятствие преодолеть. В разоренной церкви было светло, как на улице, — свет беспрепятственно проникал через многочисленные брешы. Под ногами хрустели пластиковые порожние бутылки, звякали осколки бутылок стеклянных, шелестели разно-

цветные обертки. Стены пестрели незамысловатыми граффити «века сего». (Забегая вперед, скажу, что еще в прошлом году картина оставалась точно такой же.)

Выбравшись наружу, мы прошли за алтарь. Там в траве лежал единственный оставшийся на своем месте надгробный камень — видимо, в силу больших размеров и веса он оказался неподъемным для вандалов. Из надписи следовало, что здесь покоилась вторая супруга А.Н. Долинино-Иванского Елена Михайловна, из рода дворян Катасоновых Тульской губернии.

На этом наша экскурсия по «графским развалинам» (местные жители до сих пор величают Долинино-Иванских «графами», что не соответствует действительности) закончилась. Я вернулся в Плавск.

Через пару дней карамышевский житель Николай Иноземцев, с которым мы списались по Интернету, предложил мне вместе с ним посетить другие «графские развалины» — места, где находились имения Лески и Витцинские выселки.

Дорога представляла собой классический проселок. Примерно через полчаса Николай остановил машину. Далее предстояло идти пешком. Вскоре мы оказались перед шеренгой высоких деревьев. За ними раскинулось поле, охваченное с двух сторон такими же древесными шеренгами. Николай сказал, что это была живая изгородь барской усадьбы. Теперь, судя по сухим коровьим лепешкам, здесь пасли скот.

На дне ложбины с трудом просматривалось русло почти пересохшей речки, фасадом к которой, продолжал объяснять Николай, стоял барский дом, окруженный парком и хозяйственными постройками.

Мы прошли несколько десятков метров в сторону ручья и достигли едва угадывающегося фундамента. Стоявшее на нем когда-то здание размерами заметно уступало дому Долинино-Иванских в Карамышеве. Лес на противоположном берегу, вздохнул Николай, давно вырубил — остался лишь вон тот одинокий дуб, высохший, подобно речке.

Пошарив среди камней фундамента, я обнаружил несколько черепков и стреляную гильзу от трехлинейки системы Мосина, пролежавшую в земле, скорее всего, с 1941 года, поскольку в Гражданскую войну фронт до этих мест не дошел. Черепки при ближайшем рассмотрении оказались осколками цветочных горшков.

*Все, что осталось от деревни
Витцинские выселки*

Фотографии 2010 года

Место бывшего барского дома в Лесках

Кто-то из местных жителей рассказывал Николаю, что дом, разграбленный солдатами-дезертирами в 1917 году, некоторое время простоял пустой, ибо хозяева из Москвы не навещались. В него лазали крестьянские мальчишки. В итоге дом сгорел, крыша обрушилась...

Мы вернулись к машине и отправились в сторону Витцинских выселок по заросшей ухабистой дороге, которой, очевидно, практически не пользовались: сходя постепенно на нет, она в конце концов иссякла в высокой и густой траве. Впереди виднелось окруженное остатками дощатого забора одноэтажное здание без крыши, с пустыми глазницами окон. Николай сказал, что дорога, по которой мы ехали сюда, представляла собой раньше главную улицу деревни, а в здании располагался сельсовет. Рожицы по обеим сторонам бывшей улицы выросли на месте исчезнувших изб. Я попытался подойти к зданию, но не

смог пробиться сквозь густые, в человеческий рост, заросли крапивы. Где стоял дом моей прародительницы Анны Андреевны Вицинской, теперь невозможно установить. Неизвестно также, когда ушла жизнь из Витцинских выселок. Во всяком случае, на картах Тульской области начала 1990-х годов деревня еще значилась обитаемой...

* * *

2015 год. Я снова побывал в Карамышеве. На следующий день принял участие в праздновании 22-й годовщины Плавского краеведческого музея. На мероприятии вручались почетные грамоты местным краеведам «за вклад в дело сохранения и приумножения исторического наследия Плавского края». А еще через день плавчанин Виктор Николаевич Гусак взялся провезти меня по очередным «графским развалинам» округи.

Отправились. Первая остановка — в деревне Малое Федулово. Ситуация здесь сложилась довольно типичная для деревень не только Тульской, но и многих других областей России. Собственно крестьян, то есть людей, непосредственно трудящихся на земле, в деревне осталось раз-два и обчелся. Прочие жители — дачники, купившие деревенские дома. Кого-то устраивает изба, а кто-то избу снес и построил на ее месте «коттедж».

Вообще-то в Малое Федулово мы приехали, чтобы осмотреть один памятник, с которым связана трагическая и с моральной точки зрения неоднозначная история. В декабре 1941 года немецкие солдаты, заняв соседнюю деревню, загнали в сарай группу пленных красноармейцев. Сарай подожгли. Тех, кто смог вырваться из огня, расстреливали. Уйти удалось единственному бойцу — Ивану Харитонову. Раненный, он все же добрал до Малого Федулова и перед смертью успел рассказать местным жителям о случившемся. Когда немцы ушли, Ивана похоронили, но, руководствуясь благим намерением, совершили акт вандализма: взяли для этого надгробный камень с могилы Чернского уездного предводителя дворянства Илиодора Андреевича Долинино-Иванского, находившейся в ограде церкви села Алексеевка. С камня сбили крест и стесали надпись. Но даже сейчас очевидно, что надгробие — гораздо старше могилы...

В селе Малое Скуратово, главной достопримечательностью которого является возрождаемая пятиглавая церковь в честь святого благоверного князя Александра Невского, мы зашли к 85-летней Зинаиде Григорьевне Добариновой. По словам В.Н. Гусака, она могла что-то рассказать о деревне Казарино — бывшей вотчине И.А. Долинино-Иванского. Увы, Зинаида Григорьевна лишь в общих чертах описала барский дом и добавила, что сломали его в конце 1960-х годов.

К месту, где когда-то была деревня, добрались под вечер. Темнело. Уже в лунном свете блестела вода в ручье, раньше известном как речка с красивым названием Снежедь. Слева чернел холм под сенью нескольких деревьев — на его вершине когда-то стоял усадебный дом...

О деревне Казарино в книжке «Сельское хозяйство — основное занятие чернян», купленной мной несколько лет назад в краеведческом музее поселка Чернь Тульской области, написано следующее: «Это хозяйство Илиодор Андреевич Долинино-Иванский приобрел в начале 1860-х годов в плохом состоянии. Через 15 лет имение стало неузнаваемо, и в 1879 году Вольное экономическое общество признало его выдающиеся успехи»⁷. обстоятельный очерк о хозяйственной и общественной деятельности И.А. Долинино-Иванского напечатала в 2003 году чернская газета «Заря». Там, в частности, говорилось о том, что Илиодора Андреевича «как мецената

Памятник с могилы И.А. Долинино-Иванского на могиле красноармейца И. Харитонова у деревни Малое Федулово. Фотография 2015 года

Фотографии 2015 года

*Памятный знак
на месте фамильной усыпальницы
князей Кугушевых в ограде храма.*

*Храм в честь святого благоверного
князя Александра Невского.
Село Малое Скуратово*

и рачительного хозяина чернские дворяне выбирали уездным предводителем дворянства на три срока подряд — с 1874 по 1882 год. Должность эта была административной и требовала от исполнителя много времени и больших личных финансовых затрат. Как предводитель дворянства И.А. Долинино-Иванский хорошо знал представителей уездной интеллигенции, особенно дружескими оказались отношения с соседями — баронами Дельвигами, Кретовыми, Чапкиными. Был он в приятельских отношениях с Ильей Львовичем Толстым и бывал у него в гостях в сельце Гринево, а тот — в Казарино. Кроме того, Долинино-Иванские состояли с Толстыми в родстве»⁸.

Большим сюрпризом для меня оказалась увиденная в экспозиции Плавско-

го музея копия фотопортрета И.А. Долинино-Иванского. Илиодор Андреевич родился в 1841 году. Поступив на воинскую службу, он спустя несколько лет вышел в отставку в чине гвардии подпоручика и занялся сельским хозяйством в Чернском уезде. Умер в 1907-м. К сожалению, в Российском государственном военно-историческом архиве мне до сих пор не удалось обнаружить его формуляр — а ведь по возрасту казаринский помещик мог участвовать в кампаниях начала 1860-х годов — например, в Кавказской войне или в подавлении польского мятежа. Разглядывая упомянутый фотопортрет, хорошо различаешь на статском мундире И.А. Долинино-Иванского четыре ордена — насколько я разобрал, Святого Владимира, два — Святого

*Окрестности бывшего сельца Казарино.
Фотография 2015 года*

Станислава и шейный — предположительно Святой Анны. Все без мечей. Известно, что орден Святого Станислава жаловался офицерам и гражданским чиновникам за выслугу лет. Орден Святого Владимира Илиодор Андреевич мог получить за долгое безупречное отправление обязанностей уездного предводителя дворянства.

У него было двое сыновей и дочь. Младший сын — Александр Илиодорович (1870—1906) — умер молодым, оставив вдову и двоих детей. Старший — Николай Илиодорович (1866—?) — готовился к военной карьере: после окончания кадетского корпуса поступил в Николаевское

кавалерийское училище, но по болезни прервал учебу. Осенью 1917 года вместе с женой он покинул Казарино и затерялся в кровавом вихре Гражданской войны...

* * *

Нет, не может душа без этих путешествий в прошлое. Ибо, по слову поэта,

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Ибо без прошлого нет будущего.

¹Некоторые носители этой фамилии писались «Мейнгардт», то есть с «т» на конце; такого же написания придерживается для себя автор; в тексте оставлена наиболее распространенная форма без «т».

²*Долинино-Иванский А.М.* История рода Долинино-Иванских // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. 1998. № 8.

³В документах встречается написание этой фамилии с буквой «т», позже утраченной. Сохранилось в названии имени и деревни.

⁴*Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого. М., 1959. С. 134.

⁵*Волков О.* Погружение во тьму. М., 1992. С. 95—96.

⁶*Чернопятов В.И.* Дворянское сословие Тульской губернии. Т. VII (XI). Храмоводители и ревнители церковного благолепия. М., 1911. С. 8.

⁷Сельское хозяйство — основное занятие чернян. Чернь, 2004. С. 15.

⁸Поселок Чернь // Заря. 2003. №46 (9462). 7 июня.

Иван Иванович Магер

«Глубоко национальный русский мастер»

О художнике **Б.П. Баеве**

Художник-реалист Борис Петрович Баев родился в 1939 году в семье рязанских крестьян. С 1940 года его жизнь была связана с Подмосковьем и Москвой.

Борис Петрович закончил Бауманский университет и состоялся как высококлассный специалист в сфере автоматки и микропроцессорной техники. К живописи он пришел позднее и постигал искусство в мастерской художника и Ю.М. Тарасова, оказавшего на него большое влияние в понимании задач художника и живописи в целом.

Жанровым лейтмотивом Б.П. Баева стал пейзаж, в котором автор создает уникальный образ русской земли, проникнутый любовью к Родине, созерцанием красоты ее природы, знанием культуры и быта простого народа. Неисчерпаемый источник вдохновения художник находит в окружающей действительности, городских и сельских пейзажах Подмосковья, он акцентирует внимание на состоянии природы и объединяет его с эмоциональным состоянием человека, его духовными поисками. Внешний мир как бы обретает свой язык через взгляд художника.

В работах Б.П. Баева чувствуется обращение к опыту таких великих русских художников, как В.И. Суриков, И.И. Левитан, М.А. Врубель, К.А. Коровин. В сюжетах, близких и понятных простому зрителю, стремительными, динамичными мазками художник передает ощущение бесконечности и простора, движения, преображения, надежды... Избегая излишней детализации изображения, мастер концентрирует внимание на самом важном, сущностном, делая его декоративно-выпуклым и одновременно сохраняя ощущение воздушности, легкости и гибкости пространства.

Как художник Борис Петрович ставит задачу раскрыть перед зрителем глубину и многогранность национального миропонимания. Его полотна, написанные маслом, заключа-

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

ют в себе традиционные ценности русской культуры, их мудрость и скромность, духовную глубину, историческую память, достоинство и душевную силу. Баев раскрывает эти темы в знакомых сюжетах с храмами, деревнями, предметами народного быта и говорит об этом возвышенно-лирично.

Умея видеть красоту национального русского мира, художник открыт к восприятию мира чужого, дальнего. Создавая пейзажи Венеции или Крыма, автор меняет характер живописного письма: оно становится искрометным, контрастно-ярким, страстным. В композиции и цвете мастер создает единый гармоничный и целостный образ юга.

Б.П. Баев является членом Творческого Союза художников России и Московского отделения художников Международного художественного фонда, его работы представлены на отечественных и международных художественных площадках: галерее «Союз Творчество», в Московском Паломническом центре, в Центральном музее современной истории России, в Краеведческом музее г. Пушкино, в Музее-усадьбе Ф.Тютчева в Мураново, а также в частных коллекциях России, Австралии, Англии и Латинской Америки. Борис Петрович Баев был награжден бронзовой медалью Творческого Союза художников России за заслуги в области изобразительного искусства. Первые персональные выставки художника прошли в 1999 году в Государственном университете сервиса (Москва) и Краеведческом музее города Пушкино (Московская область). В августе–сентябре 2015 года состоялась десятая персональная выставка Б.П. Баева в Центральном доме художника на Крымском валу.

Уголок кельи. 1998 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Веселая Венеция. 2005 год

Рыбный день. 2008 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Ялта. 2007 год

Широка Россия. Фрагмент. 2008 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Дом рыбака. 2001 год

Зимняя околица. 2000 год

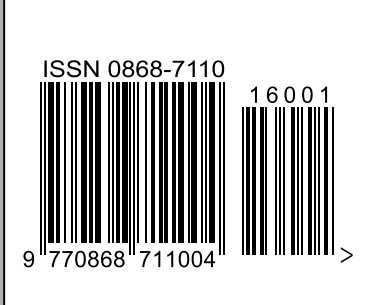
КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Омут. 2003 год

Судьба. 2007 год

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**Екатерининский собор
в Царском Селе (ныне — город Пушкин)**

**О строительстве Астраханской железной дороги
и хозяйственном освоении
левобережной части бассейна Нижней Волги
в конце XIX — начале XX века**